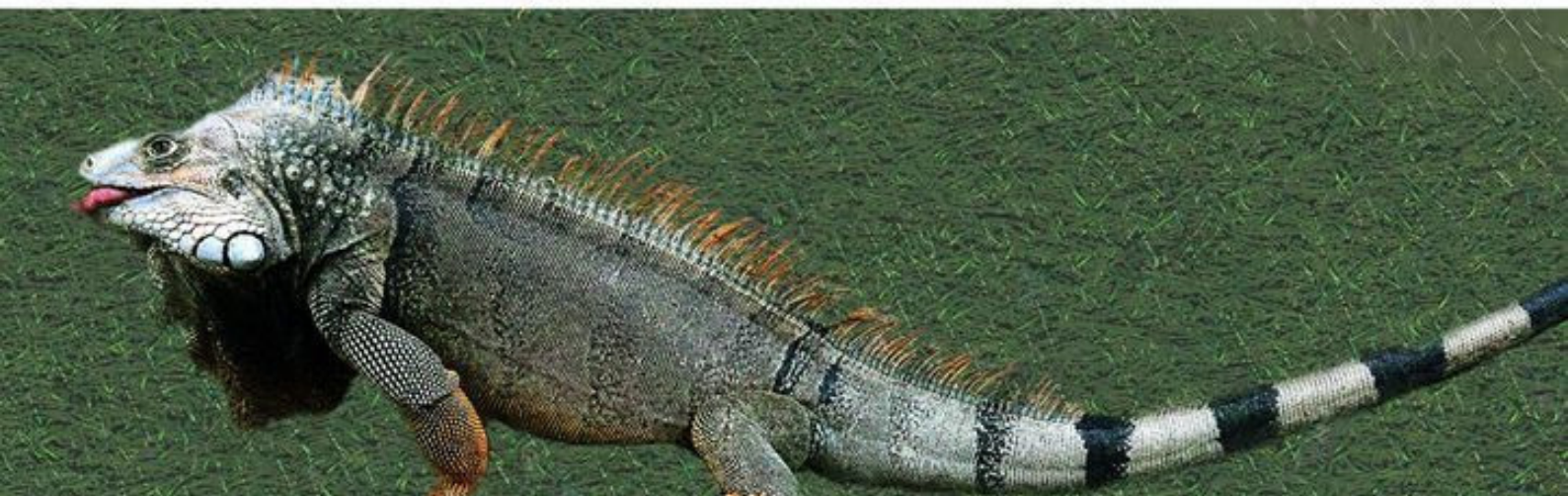

18+

Анастасия Новоселова

Доброе утро, сеньора игуана!

Анастасия Новоселова

Доброе утро, сеньора игуана!

«Издательские решения»

Новоселова А. В.

Доброе утро, сеньора игуана! / А. В. Новоселова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-626195-2

Однажды русский музыкант, музыковед и преподаватель Анастасия Новоселова, защитив в Московской консерватории диссертацию, отправилась далеко-далеко, в Южную Америку — как оказалось, на поиски приключений... Дизайн обложки: Александра Губина

ISBN 978-5-00-626195-2

© Новоселова А. В.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Доброе утро, сеньора игуана!

Анастасия Владимировна Новоселова

© Анастасия Владимировна Новоселова, 2024

ISBN 978-5-0062-6195-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Доброе утро, сеньора игуана!

«Si Dios está conmigo,
¿Quién contra mí?»¹

Всё нижеизложенное – былль, чистая правда, кусок жизни, подобный яркой вспышке, пролетевший, как комета, шлейф которой никогда не исчезнет из моей памяти. За семь месяцев, проведённых в совершенно новом для себя месте, я прожила целую отдельную жизнь, насыщенную событиями и переживаниями.

¹ «Если Бог со мной, кто против меня?» (исп.)

Часть первая

Знакомство

Аэропорт Афартадо́ был затерян среди банановых плантаций. Из иллюминатора они казались одним сплошным зелёным морем. Первый глоток влажного и жаркого воздуха напомнил мне поездку в Японию в августе: там я испытала похожее ощущение от подобного сочетания влажности с жарой. Однако нахлынувшее воспоминание развеялось сразу, как только я спустилась с трапа и вошла в здание аэропорта: я была не в Японии, а на северо-западе южно-американского континента, на вечнозелёной земле, раскинувшейся и дремлющей под солнцем между двумя океанами, единственной на всём континенте названной по имени человека, открывшего его для Европы.

Меня встретил паренёк, – водитель такси, – погрузил мои вещи в маленькое жёлтое авто, и мы поехали в неведомую мне даль. Дорога пролегла между склонившихся друг к другу деревьев, сквозь листья которых сверкало ослепительное южное солнце. Глядя на эту яркую и как будто промасленную солнцем зелень, я с удовольствием отвечала на вопросы паренька-водителя, который дивился тому, как это судьба могла забросить меня в их края. Дорога под этими деревьями, которые так плотно сплелись между собой, была чудесна, и не хотелось, чтобы она заканчивалась.

Мы свернули с зелёной дороги на шоссе и поехали между двух полей. Справа вдалеке высились горы – окончание Кордильер, слева то и дело возникали посадки ананасов.

Мы говорили до тех пор, пока паренёк не спросил: «Вам куда, в фонд или в институт?» Я и сама не знала, куда мне, и не преминула признаться в этом. Парень задал уточняющий вопрос: «Вы – новый преподаватель?» Я ответила утвердительно, и тогда он решил взять меня в институт. Мы свернули налево и остановились у ворот. Слева за забором я увидела ряд маленьких домиков, а справа, за воротами, герб на постаменте с надписью «Институт Бананерос». Сбоку от герба стояла небольшая бело-голубая ротонда, в которой Дева Мария держала на руках младенца Иисуса. Всё вокруг было ухожено, трава пострижена, дорожки насыпаны приятного красноватого цвета щебнем.

Распрощавшись с пареньком, я вошла в основной прямоугольник «Института Бананерос» и побрела по открытому коридору вдоль патио. Я никого там не знала и не искала никого определённого. Справа в открытую дверь я увидела нескольких сотрудниц и подошла к одной из них с вопросом:

- ¡Buenos días! Soy Anastásia, nueva profesora de música².
- ¡Buen día! Espere aquí por favor³.

Незнакомая сеньора, в роду которой явно были представители африканских этносов, предложила мне присесть, а сама стала звонить. Я отвернулась и начала разглядывать помещение. Окон в нём не было, были только проёмы с деревянными брусками, окрашенными в белый цвет и расположенными вертикально на небольшом расстоянии друг от друга. Таким же образом были оформлены все проёмы всех аудиторий этого учебного заведения, в котором меня ждала лавина разнообразных впечатлений.

Сеньора выяснила что-то, касавшееся моей персоны, и повела меня дальше вдоль патио, потом к забору мимо большого, отдельно стоящего домика, у которого вместо стен с трёх сторон были стёкла. Через стекло можно было заметить большое количество пластиковых вёдер из-под краски, громоздившихся по периметру. У калитки зелёного забора моя провожатая

² «Добрый день! Я – Анастасия, новый учитель музыки» (исп.)

³ «Добрый день! Подождите здесь, пожалуйста» (исп.)

нажала на кнопку. Дверь открылась, и мы перешли с территории института на территорию кампаменто – места обитания сотрудников фонда и Института Бананерос.

Сразу за калиткой мы свернули налево и прошли мимо прикрытой темно-зелёными листьями таблички: «Nueva era», Новая эра. Дом с названием «Новая эра» был поделён на две части. Водоразделом служила удачно декорированная стена, по каждую сторону от которой зеленело патио с круглыми камнями и цветущими растениями. «А зимой?..» – подумала было я при виде подобной дыры в середине дома, и улыбнулась сама себе: ещё не привыкла к тому, что здесь нет ни лета, ни зимы, а есть только жара. Сеньора оставила меня в комнате под номером один.

Комната была угловая, с двумя окнами и двумя кроватями. Выходя, сеньора сказала, что Камило ждёт меня в комнате номер два. Оставшись одна, я умылась, вышла в коридор, увидела на следующей двери цифру «два» и постучала. Почти сразу мне открыл дверь Камило Хиральдо – скрипач, дирижёр, мой старый друг и коллега. Я приехала в регион под названием Ла Коста по его приглашению, чтобы работать с ним бок о бок.

Мы познакомились за пять лет до описываемых событий. Тогда Камило привёз ансамбль Молодёжного оркестра для участия в фестивале «Вселенная звука» в Москве. Мой научный руководитель и учитель, директор фестиваля Маргарита Каратыгина приглашала его ещё несколько раз. Несмотря на свою молодость, Камило был главным дирижёром оркестра, патриотом и музыкальным деятелем с широкими взглядами. Он давал возможность простым латиноамериканским ребятам увидеть мир, выступать в знаменитых залах, общаться с зарубежными музыкантами, он радел за их многостороннее развитие. С самого первого их концерта в Москве меня глубоко тронула и заинтересовала музыка латиноамериканских композиторов и популярные песни, которые они играли.

С тех пор каждый год я сопровождала приезжающие под руководством Камило группы, а однажды мы с Маргаритой Ивановной поехали к ним в гости с концертами, после чего я начала учить испанский, и с тех пор была при группах Камило в Москве ещё и переводчиком. Когда мы ездили в Магдалену, город, где жил Камило и где он руководил оркестром, я познакомилась с административным директором Молодёжного оркестра, молодой и активной Фабианой, с которой вскоре подружилась.

Моё увлечение Латинской Америкой развивалось и достигло своего апогея: я решила туда уехать. Незадолго до того, как я села в самолёт, Фабиана написала Маргарите Ивановне официальное письмо о том, что оркестр больше не сотрудничает с маэстро Камило Хиральдо. Мы удивились. На мой вопрос, что случилось, Фабиана не могла отвечать, – как она выразилась, «ни из корпоративных, ни из личных соображений», – и пришлось принять эту информацию без выяснения обстоятельств. Я решила, что Камило в чём-то не сошёлся с доньей Рафаэлой Бакеро, хозяйкой оркестра, либо слишком активно развивал свои французские связи, возможно, не в том ключе, как хотелось бы ей. Мы лицецерели донью Рафаэлу, и я предполагала, что для человека её уровня достатка быть капризной и взбалмошной не удивительно.

За три месяца до моего прибытия в страну моей мечты Камило участвовал в московском фестивале с группой, в центре которой была представительница индейцев Эмбера Чами, трогательная и совершенно аутентичная Флор Мария Оспина. Я была рада очередной возможности сопровождать группу латиноамериканцев и общаться с ними. Так как вопрос об уходе Камило из оркестра остался загадкой, я спросила его, что же всё-таки произошло.

– Не знаю, – сказал он и, как всегда запредельно обаятельно, улыбнулся, – всё начала Фабиана. Она выразила учителю гобоя, что я – очень агрессивная персона, и стала составлять против меня коалицию. Когда дело дошло до Рафаэлы, я сказал ей, что, раз они не любят меня, то я уйду. И я ушёл. Понимаешь, они потеряли первоначальную идею и философию, и занимаются только тем, что зарабатывают деньги.

Его ответ не дал мне тогда шанса разгадать загадку. С того времени каждую нашу новую встречу он говорил мне что-нибудь негативное о Фабиане, я смотрела на него и подозревала его большую личную и, вероятно, отвергнутую дружескую симпатию к этой девушке. Тема Фабианы не давала ему покоя, он снова и снова, как ребёнок, повторял, какая она плохая, и я могла только предположить, что она своим безразличием сильно задела его самолюбие.

Ла Коста была родиной Флор Марии, и я ехала туда с большим интересом, поскольку песни индейки и общение с ней впечатлили меня. Накануне моего прибытия из Магдалены в Ла Косту мама Камило, приятная женщина с такими же большими, как у сына, глазами, передала мне для него концертный костюм. Костюм нужен был для внезапно возникшего выступления перед советом директоров банановой компании «Бананерос» и огромной банановой корпорации «Гуаро».

Открыв мне дверь, Камило улыбнулся, и мы молча обнялись. Он попросил меня подождать его пять минут, после чего мы помчались обратно через зелёный забор к воротам института. Там нас ждал микроавтобус и пятеро подростков в чёрном и с инструментами. Мы выехали на то же шоссе, совершенно прямое до самого залива. Пейзаж был великолепный, ярко-зелёный, с полоской гор справа по борту.

По прибытии в «Гуаро» нас оставили в небольшом помещении с кондиционером, что было очень кстати при туманящей сознание полуденной жаре. Ребята достали скрипки, альт, виолончель, контрабас и стали разыгрываться. Сначала они вместе тянули одну и ту же ноту, которую давал им Камило.

– Ре!.. Они начали в прошлом году, – объяснял он мне, поминутно командуя ребятам, – Ля!.. Я практикую групповые занятия на инструменте, нет времени на каждого по отдельности. Так, в группе, они пристраиваются друг к другу, сразу привыкают играть в ансамбле... Ми!.. Все они учатся в Институте Бананерос. Соль!..

Дети заиграли пьесу в ре мажоре в барочном стиле. Они не выигрывали пассажи, плохо держали и темп, и ритм. Я подумала, что пьеса для них новая и что они давно не занимались. С этой репетиции в «Гуаро» я начала своё исследование на тему «проект фонда „Бананерос“ по созданию симфонического оркестра в Ла Косте».

Дверь приоткрылась, в щель ворвался поток горячего воздуха, и женщина в переднике, прислуживающая при званом обеде, пригласила Камило выступить. Мы прошли по улице до соседнего домика, и мне показалось, что за эти две минуты солнце успеет меня расплавить. Казалось, что дышать нечем. Однако садик, по которому мы шли, был прелестным. Хотелось сесть там, уставиться на пальму, и посидеть так пару дней. Пока мы шли, Камило продолжал объяснять:

– В прошлом году у них были занятия больше... эмпирические, а сейчас ты добавишь им теории.

Меня смутило это «эмпирические». Я стала раздумывать над тем, что именно оно могло означать.

Нам пришлось подождать перед дверью, и я успела разглядеть этот дивный тропический палисадник. Когда нам наконец махнули из двери, мы вошли в большую комнату, где за столами сидел весь цвет местного «бананового сообщества». Камило поприветствовал публику, сказал два слова о том, что с прошлого года фонд «Бананерос» развивает проект создания симфонического оркестра, и что перед вашими глазами – пятеро учеников Института Бананерос, задействованных в этом процессе. Затем он взял скрипку и заиграл вместе с ребятами, точнее, они заиграли за ним следом.

Они сыграли ту же барочную пьесу, что я уже успела услышать, потом «Баркаролу» из «Сказок Гофмана» Оффенбаха и «Либертанго» Пьяцоллы. Последнее вышло удачнее всего – во-первых, дети там играли только остинантный аккомпанемент на открытых струнах,

во-вторых, ритм танго, родной и близкий латиноамериканцу, давался им куда легче обычного квадратного европейского метра. После танго Камило представил меня и дал мне слово. Меня спросили, не могла бы и я сыграть что-нибудь. В ответ я представилась, извинилась, что сыграть ничего не смогу, потому как я – не скрипачка и выразила надежду на то, что мы будем развивать проект динамично и с большим успехом.

Торжественная часть собрания подошла к концу, и все стали общаться кулуарно. К нам с Камило подошёл доктор Санчес: «Габриэль Санчес» – и подал мне руку. Это был ушедший в прошлом году на пенсию президент фонда «Бананерос», приятнейший мужчина с добрыми глазами. Следом за ним мне подавала руку Нелли Джанет Аранго Аристисабаль, ректор Института «Бананерос», невероятно обаятельная женщина с распахнутыми глазами. Пожимая мне руку, она посмотрела на меня:

– Por fin!⁴

Мы возвращались в кампаменто тем же путём, через территорию института. Когда ребята, одетые во всё чёрное, проходили мимо группы висящих на турнике детей, в спину нам слышались детские голоса: «Наверное, кто-то умер». Камило пообещал показать мне ресторан кампаменто, в котором мне предстояло питаться. От дома «Новая эра» мы повернули налево и пошли по дороге, засыпанной округлыми камушками. Справа были одноэтажные дома, слева – лужайка с пальмами, миндальными и манговыми деревьями. У большого манго дорога расходилась в две стороны, и нам было направо, а там – по тропинке вдоль бассейна, где жили крупные и мелкие ящерки, снующие под ногами со скоростью света.

Ресторан располагался прямо напротив бассейна. Помимо разного рода пальм, из деревьев у бассейна моё внимание привлёк один исполин с прямым, как телеграфный столб, стволом. На его нижних ветвях, находящихся выше всех пальм и деревьев под простонародным названием «крысогуб», висели какие-то плетёные мешочки. Я спросила, что это. Камило сказал, что это – гнёзда птиц, издающих самые громкие и самые странные в округе крики.

Вечером того же дня, пятницы, сеньора Глория Патрисия Вега, региональный директор фонда «Бананерос», устраивала приём у себя в доме. Донья Нелли зашла за нами с Камило. Она была в чёрном платье, и Камило сказал ей не без лести: «Как элегантно!»

Общество, собравшееся у доньи Патриси, было интересным, и беседовало за вином и лёгкими закусками в течение пяти часов. Я сидела по левую руку от доньи Нелли, а Камило – по правую, и было видно, что это ей приятно. Помимо нас троих были доктор Санчес, темнокожий тренер Педро и ещё три человека, имён которых я в тот вечер не узнала, поскольку никто не представлял и сам не представлялся. Беседа шла живо и была буквально разыграна, как спектакль, одна из феерических ролей в котором отводилась *сеньоре ректоре*⁵.

Одна из её историй была приурочена к разговору о лягушках. С недюжинным артистизмом донья Нелли рассказала, как однажды в классе на стене сидела белая лягушка, и ректора, проходившая мимо, вошла в класс, смело приблизилась к лягушке и, бесстрашно взяв её рукой, выпустила на волю. Дети потом говорили об этом поразившем их воображение подвиге: «Представляешь, ректора, вся причёсанная и красивая, взяла лягушку прямо рукой и вынесла!»

На другой день утром мы поехали с доньей Нелли и Камило в Афартадо – один из самых крупных населённых пунктов Ла Косты, по-нашему же – нечто сродни районному центру. Донья Нелли энергично, с жаром что-то рассказывала, Камило слушал с участием. Афартадо не производило никакого чарующего впечатления, напротив, магистральная улица показалась мне грязной, кривые домики были наклеплены в беспорядке, как будто случайно. Пестрящие

⁴ «Наконец-то!» (исп.)

⁵ В испанском языке у таких слов, как «доктор», «ректор», «профессор» существует женский род – «доктора» (с ударением на вторую «о»), «профессора», «ректора».

ядовито розовыми и зелёными полотенцами и игрушками лавки своими товарами готовы были валиться прямо на дорогу. Всё напоминало мне пригород какого-нибудь большого приморского города, спешивший предложить проезжающим автомобилям всю чепуху материального мира. Мы приехали в офис связи, где донье Нелли надо было оплатить мобильный телефон. Там была тьма народу, и мы весело толкались вместе со всеми, ожидая с талончиком своей очереди. Ожидание оказалось долгим, но мы непринуждённо болтали и чувствовали себя командой друзей.

Совершив, наконец, платёж и освободившись от оков электронной очереди, мы пошли через мост в супермаркет «Успех». Хождение через мост было любопытно висящими на деревьях над рекой игуанами. Некоторых из них было нелегко отыскать взглядом – не позволяло совершенство их природной маскировки. Стоя на мосту и вглядываясь в деревья в поисках игуан, мы шутили: «Да, у Анастасии сейчас идёт *introducción cultural*⁶».

Культурная интродукция продолжилась обедом в ресторане «Моя деревня». Мы с доньей Нелли пили сок гуанабаны (любимого мною ещё с прошлой поездки в эту страну экзотического фрукта), и все трое ели *bandeja paisa* – «блюдо пайсов», то есть, жителей департамента, к которому относилась и Ла Коста, и большой красивый город. Магдалена. Бандеха пайса представляет собой приготовленные отдельно и выложенные на большой овальной тарелке фасоль, рис, несколько видов мяса, яйцо, авокадо и салат. По уже сложившейся привычке я сказала официанту: «Бандеха пайса без мяса, вегетарианская». Мы рассуждали о разных языках, их грамматических нормах, и закончили обед прекрасным кофейным десертом.

Камило уехал в Магдалену сразу после обеда. Вечер мы провели с доньей Нелли у неё дома. Это был третий дом справа по дороге к бассейну и ресторану, в двух шагах от меня, то есть, от дома «Новая эра». Если бы не деревья, её дом был бы виден мне в окно. В разгар нашей культурологической беседы она спросила:

– Так Россия – это всё-таки Европа или Азия?

Я засмеялась:

– Это такой вопрос, на который русские веками ищут ответ, и не нашли до сих пор! – и стала рассказывать о Петре Первом и взглядах его эпохи, круто поменявшей курс государства и культуры.

– Вероятнее всего, он искренне беспокоился об «азиатской отсталости» страны, – сказала я.

Внезапно донья Нелли пригласила меня идти с ней на другой день в горы, на дачу к её подруге Марии Элене, и с той же внезапностью мы помчались в Афартадо, в супермаркет, чтобы купить чего-то постного для меня, поскольку обед на даче обещал быть мясным. Слева по дороге в Афартадо тянулась банановая плантация. На каждом растении висело по одной ветке бананов, и каждая из них была завернута в синий пластиковый пакет. Я спросила у доньи Нелли, зачем это. Она по-преподавательски чётко, внятно и обстоятельно объяснила мне, что требования к качеству продукта очень высоки, на кожуре банана не должно быть ни одной щербинки, ни одно насекомое не имеет права коснуться сладкого плода – основной культуры региона, идущей по морю в США и Европу. Кроме пакета, на каждой ветке была ленточка определённого цвета, которая показывала, в какой момент снимать и к отправке куда именно подлежит эта ветка. В супермаркете какой-то мальчонка лет пяти подбежал к донье Нелли с криком «ректора!» и дал «пять».

Расставшись с доньей Нелли на том, что завтра в девять утра мы увидимся снова, я побрела к себе в «Новую эру». Некоторые цикады свистели так, что барабанные перепонки у меня в ушах болезненно дрожали. Ночи были приятные, гораздо прохладнее, чем дни, хотелось гулять, спать под открытым небом...

⁶ «Введение в культуру» (исп.)

В горы!

В воскресенье, 6 марта, несмотря на усталость предыдущего дня, я проснулась легко и стала с наслаждением вслушиваться в щебет бесчисленных птиц за окном. Когда-то меня впечатляли птицы Магдалены, но они не шли ни в какое сравнение с птицами Ла Косты. Здесь их было значительно больше, и полифония их «партитуры» была более многоголосной и сложно устроенной.

Без десяти девять, как договаривались, я была у дома доньи Нелли. Мы сели в машину Марии Элены и её мужа Родриго и поехали через Афартадо на их горную дачу. Донья Нелли была в шляпе, как у Индианы Джонс, что было уместно в том пейзаже, частью которого мы оказались, выйдя из машины и встретившись с проводником, доном Луисом. Дон Луис был из крестьян, и смущался со мной говорить. Он был вооружён мачете на тот случай, если тропа густо поросла джунглями. Мы переобулись в резиновые сапоги и сначала шли по размокшей дороге у подножия горы. Дорога была будто выкопана в земле и напоминала просторный окоп, так что нас скрывало, а корни деревьев, кустов и трав проплывали мимо на уровне глаз. Почва была светлая и глинистая. Лучи солнца с любопытством заглядывали в лужи, по которым мы шлёпали. В субботу донья Нелли жаловалась на засуху во всём районе, однако здесь, на этой горной дороге, было довольно влажно.

Мы вышли с дороги к подъёму. Подъём был мягкий. Горы в той местности не скалистые, а сплошь поросшие растительностью. От этого они издали похожи на застывшие гряды зелёных волн. За доном Луисом шла Мария Элена, за ней – донья Нелли, потом я. Дон Родриго замыкал цепочку. Одолев этот небольшой подъём, мы оказались на лужайке с несколькими банановыми кустами. Донья Нелли в роли Индианы Джонс остановилась у этих бананов, поднесла руку ко лбу и стала вглядываться вдаль. Я посмотрела на неё снизу вверх. В её стойке, руке, даже в этой шляпе просвечивала натура волевая, своенравная, смелая, с вечным юношеским задором.

Домик Родриго и Марии Элены был небольшой, окружённый со всех сторон обрывами. Он стоял совершенно одиноко: вокруг, сколько хватало глаз, больше не было видно ни одной постройки, ни одного признака человеческой цивилизации. Внутри домик был ещё не достроен. Там всё было предельно просто, со множеством открытых проёмов, что снова заставило меня улыбнуться самой себе, подумав: «Эти люди не ведают, что такое зима...» От обрывов, которые были так близко к стенам дома, мне было немного жутко. Кажется, если бы у меня был так расположен дом, я бы непременно свалилась, забывшись и выскочив на ту сторону, которая была ближе всех к обрыву. Я подумала, что любопытно это желание иметь дом в горах, среди обрывов, когда ни души и ни одного строения не видно даже с такой высоты. Желание уединиться.

На северной стороне домика росли платано – крупные овощные бананы, широко употребляемые в пищу, но исключительно в жареном или варёном виде. К вечеру дон Родриго наполнил мой рюкзак платано, и донья Нелли потом приготовила из них патакон с соусом огао. Добравшись до домика, мы разместились на маленькой террасе перед ним. Мария Элена начала расспрашивать меня о том, каким ветром меня сюда занесло.

– Всё началось с японских барабанов тайко, – ответила я, чем вызвала первую волну удивления.

– С японских? При чём они тут?

– Я училась на втором курсе Московской консерватории, когда одна моя однокурсница сказала: «Слушай, ты ведь знаешь, мы ходим к Маргарите Ивановне на факультатив по музыкальным культурам мира. Так вот в конце апреля приедет японский учитель барабанов и будет учить нас играть на них, но, если не наберётся достаточно человек, то этот мастер-класс не состоится. Можешь помочь и записаться?» Я ответила, что помочь, конечно, могу. Японская

учительница приехала, мы стали заниматься, и так я начала открывать для себя новый звуковой мир. По прошествии некоторого времени Маргарита Ивановна предложила мне попробовать изучать игру на китайских инструментах. Приехали два китайских профессора, и я под их руководством стала учиться играть на цитре гуцинъ и бамбуковых флейтах. Я привезла эти инструменты с собой и потом могу показать...

– Чудесно! Как любопытно... А как ты попала сюда?

– Благодаря деятельности центра «Музыкальные культуры мира», возглавляемого Маргаритой.

– Маргарита? Она – латиноамериканка?

– Нет, русская.

– А почему её зовут Маргарита?

– Многих русских женщин так зовут...

– Удивительно! Маргарита – это типичное латиноамериканское имя.

Мы посмеялись. Я рассказала и про Молодёжный оркестр, и про наше знакомство с Камило Хиральдо. Упоминая об этом, я чувствовала благодарность и теплоту в отношении к последнему.

Спускались вниз мы по другой тропе, и места там были невероятно живописными. Тропа извивалась то в чаще леса, то по довольно крутым уступам одетых в сплошной зелёный покров гор. Можно было останавливаться каждую минуту, чтобы полюбоваться вновь открывшимся видом. Вернувшись в кампаменто, я снова получила от доньи Нелли приглашение выпить чаю в её доме. Она поставила на плиту молоко в алюминиевом кувшине, потом бросила в закипевшее молоко чайный пакетик и добавила ложечку панелы – сушёного сока сахарного тростника. Получилось очень вкусно. В дополнение к чаю донья Нелли разогрела арепу, пресную кукурузную лепёшку, и положила на неё кусочек кесо, свежего сливочного сыра. Арепа с кесо прекрасно сочеталась с чаем. За чаем мы говорили о чём угодно, но она ни разу не обмолвилась о том, что завтра, в понедельник, мне без малейшей подготовки предстоит встретиться лицом к лицу с детьми.

Разведка боем

Донья Нелли не знала, что я буду питаться всегда в ресторане кампаменто, и в понедельник, без пятнадцати семь повела меня в школьный буфет завтракать. Она показала меня повару, сказала мне, что мы встретимся через пятнадцать минут и ушла. Я прожевала арепу с сыром, запила кофе и пошла в кабинет к сеньоре ректоре. У неё был темнокожий завуч Джани, меня немедленно с ним познакомили, и мы втроём отправились в класс пятого «Б». Донья Нелли, представив меня, объявила детям, что я сейчас проведу у них урок музыки. Для меня это было большой новостью. Интересно, что ни в один из так славно проведённых вместе выходных дней она ни слова не сказала о том, что работу свою я начну вот так, с бухты-барахты. Если бы я знала о предстоящем уроке хотя бы пятнадцать минут назад, то, проходя мимо стеклянного домика, – музыкального класса, – я бы взяла оттуда ксилофон, барабан, ещё что-нибудь и сообразила бы по дороге, что мне делать.

Но такой возможности мне не предоставили. Я начала общаться с детьми сугубо теоретически на предмет симфонического оркестра и инструментов, входящих в его состав. Урок пролетел незаметно, но после него Джани вручил мне расписание бывшего учителя музыки, Рафаэля Кристанчо, в котором каждый день включал пять-шесть уроков у разных классов – от пре-детского сада до одиннадцатого класса. Всё усложнялось тем, что все дошкольники – пре-детский сад, детский сад и переходные группы были по другую сторону дороги, и чтобы просто найти нужных мне детей, надо было приложить немало усилий.

Вечером я зашла к донье Нелли.

– Ну как? Как тебе с детьми? – спросила она.

– Хорошо, – ответила я, – *entendí muchas cosas*⁷.

Во-первых, я поняла, что слово «институт» употребляется в значении «учебное заведение», и высшее образование здесь в виду не имеется. По отечественным стандартам Институт Бананерос – это школа-сад фонда Бананерос, а ректор – это директор школы. Во-вторых, я начала знакомство с местными детьми, подойдя к ним как нельзя ближе.

Донья Нелли поджарила две арепы и вскипятила молоко. Себе она сварила кофе, а мне сделала молочный чай. Я выразила восхищение чаем, и с того дня стала пить его каждый вечер. Таким образом мы ужинали, много говорили, рассказывали друг другу о своих жизнях. Почему-то у меня не возникло идеи спросить у неё, как же так вышло, что меня не предупредили о том, что я должна буду исполнять обязанности Рафаэля Кристанчо. Каждый день я прыгала в поисках то шестого «А», то переходного «Б», знакомилась с детьми, показывала им китайские бамбуковые флейты, рассказывала о себе, спрашивала, какие они знают песни и чем занимались на уроках музыки раньше, а каждый вечер вновь возвращалась к молочному чаю с панелой и беседам с доньей Нелли.

С Рафаэлем дети привыкли к тому, что урок музыки – это час, когда ты можешь валяться на полу и болтать с приятелями, и было непросто привлечь их внимание. На вопрос о том, чем они занимались с *profesor*⁸ Rafael, дети рассказывали об упражнениях по ритмическому сольфеджио, а на вопрос о том, зачем в музыкальном классе так много вёдер из-под краски, они ответили, что ритмическим сольфеджио они занимались, стуча сделанными из швабры палками по этим самым пластиковым вёдрам.

Своё отношение к подобной «музыкальной» практике я выразила донье Нелли – вероятно, слишком резко, потому что в ответ она стала защищать Рафаэля:

– Этот эксперимент с вёдрами не кажется мне таким уж скверным, Ана, возможно, он даже может быть интересным...

– Возможно, но именно как эксперимент! Я понимаю, что Рафаэль искал выход из положения, потому что трудно себе представить, что делать на уроках музыки с сорока детьми одновременно. Однако с такой культурой ударных инструментов, как в вашей стране, играть на вёдрах!.. Дети ведь таким образом не имеют понятия о музыкальном звуке как таковом...

Она слушала меня молча. Потом помолчала ещё, почти согласилась и всё-таки ещё раз высказалась в защиту Кристанчо. Я видела, что многое из того, что я говорю, для неё – совершенно новая информация, и мне, вероятно, надо было бы сдерживаться в подаче этой информации, но уже началось то, что стало развиваться и в скором времени расти, как снежный ком. Эти вёдра задели меня – они были несопоставимы с представлениями о музыкальной культуре, которые сложились у меня за долгие годы учёбы и практики.

Вёдра и палки из швабры для меня были оскорблением и то ли нежеланием, то ли неумением хотя бы попробовать донести до детей хоть каплю из океана музыкальной культуры.

Вместе с тем, проводя уроки, я увидела, что дети восприимчивы, что многие из них – с выраженными музыкальными способностями, вот только никто ещё не организовал эти уроки музыки так, чтобы развить эти способности и приобщить детей к чему-то настоящему. По большому счёту, передо мной этой задачи не стояло – я не должна была проводить уроки музыки в Институте Бананерос, это не входило в мои обязанности. Но от Камило почему-то не было ни слуху, ни духу, а я была единственным музыкантом на территории кампаменто и института, в котором вот уже месяц, как не было уроков музыки. Это стечение обстоятельств не оставляло мне выбора.

На второй день моего нового расписания, в котором уроки с трёхлетними детьми сменялись занятиями с шестнадцатилетними подростками, я стала писать Камило. В своём ответном

⁷ «Много чего поняла» (исп.)

⁸ Profesor означает «учитель».

послании он уверял меня, что я не должна делать то, что сейчас делаю, что, разумеется, это надо прекратить и что моя работа будет состоять совершенно в другом. Однако, как именно прекратить и как мне приступить к моим непосредственным обязанностям – этого он не уточнял. В четверг вечером Камило приехал, и мы плотно поработали, составляя стратегический план музыкальных занятий для Института Бананерос. Перед этим он объяснил мне любопытную систему, используемую во Франции, где он учился. Занятия музыкой по этой системе имеют три начальных этапа: *sensibilizaci3n* – сенсibiliсасьон, «ощущение», *iniciaci3n* – инициасьон, «введение», *formaci3n* – формасьон, «образование». То есть, образование начинается с пред-этапа, которым является ощущение, чувствование звука, пробуждение слуха и прочее. Затем следует начальный этап, когда ребёнка вводят в музыкальное образование, и уже потом собственно образование.

Сочиняя план для института, мы исходили из этой системы. Работали дружно и с большим энтузиазмом. Уже в пятницу нам выпала возможность использовать на практике формулировки из нашего плана: донья Нелли вызвала в институт для собеседования двух кандидатов в преподаватели музыки. Первый из них, по имени Уилсон, нам с Камило не понравился – он играл на андских струнных щипковых, а нам нужен был педагог, поддерживающий проект создания симфонического оркестра. Такого педагога мы нашли в лице второго кандидата, совсем юного Даниэля Андреса Гарсиа. Из его резюме мы выяснили, что он – пианист, и первым делом попросили его сыграть нам. Он вполне прилично сыграл ми-бемоль-мажорный вальс Шопена. После этого Камило спросил его, как бы он построил урок, преследующий дидактическую цель, сформулированную как «*eschucha activa*», «активное слушание». Этот термин мы с Камило обсуждали накануне. Даниэль, не задумываясь ни минуты, ответил: «Я стал бы фокусировать внимание детей на звуках природы, на голосах птиц, потом перешёл бы к звукоподражанию...»

Ответ нас устроил, и нами решение было принято. Дальше Даниэлю предстояла беседа с доньей Нелли, и её он выдержал успешно, а вот следующая аудиенция принесла ему отрицательный результат. Он связался, как ему было предписано, с главой отдела кадров фонда «Бананерос» в Магдалене Лилианой Диас, и последней наш кандидат не понравился. Она сказала Камило, что, во-первых, он слишком молод, ему всего двадцать один год, во-вторых, он неразговорчив, на вопросы отвечает слишком лаконично и сдержанно. Камило парировал, что мы хотим принять педагога, а не шута, и что юность его – не порок. Я оценила эти аргументы.

«Он молод, – рассуждал Камило, пересказывая мне его диалог с Лилианой, – что ж, подождем лет сорок, прежде чем принять его? Он только что окончил учёбу, в его профессионализме у нас, у его коллег, сомнений нет». Дело было ещё и в том, что искать профессионального музыканта в Ла Косте – это всё равно, что искать подснежники в декабре. И то, и другое можно найти, только благодаря чуду, и это чудо уже случилось, поэтому мы с Камило не хотели упускать Даниэля.

Услышав отрицательный ответ Лилианы, донья Нелли заявила нам с Камило, что, если мы по достоинству оценили профессиональный уровень Даниэля, то она имеет полную юридическую свободу принять его без санкции фонда в Магдалене. Вопрос, однако, повис в воздухе ещё на одну неделю, в течение которой я продолжала выполнять обязанности преподавателя музыки Института Бананерос.

В субботу утром Камило собрал своих ребят, пятерых струнников, и занимался с ними весь день. Я весь день присутствовала на уроке. Мы сидели в специально выстроенной холодной комнате, где хранились музыкальные инструменты симфонического проекта фонда. Холодной комната была потому, что там постоянно работал кондиционер: Камило настоял на этом, поскольку жара могла попортить скрипки, виолончели и прочие диковинные в тех краях агрегаты.

Занятие началось с разыгрывания по открытым струнам, после этого они поработали с гаммой ре мажор, потом взялись за ту самую барочную пьесу. Это была стилизация современного итальянского композитора. Слушая пьесу в третий раз, я отметила её неудачную особенность: разделы формы там были, как склеенные кадры фотоплёнки, с резкой сменой типа движения, заставляющего детей, и без того ещё очень слабеньких, сбиваться с метра.

Камило всё время подтрунивал над детьми, командовал «раз...», но потом обманывал их ожидания, делая паузу и не говоря «и», говорил «раз», делал паузу, снова повторял «раз»... Когда мы вышли из класса после занятия, он прокомментировал мне:

– Таким образом я держу их сознание в активном состоянии, и когда начинаю говорить что-то действительно важное, оно хорошо укладывается.

Дорога из холодной комнаты вела мимо музыкального класса, называемого kiosco, к выложенной бетонными плитками тропинке, по которой каждый день я ходила из кампаменто в институт и обратно. Был уже вечер, солнце зашло за главное прямоугольное здание института, и после этого стемнело – как всегда, мгновенно, без малейшего намёка на сумерки. После жаркого дня на кампаменто опустилась новая приятная ночь, и мы шли под жёлтым светом фонарей, прерываемым причудливыми тенями манго и миндалей. В те первые дни в Ла Косте мне казалось, что дышать я могу только вечером – днём жара была невыносимой.

Нэкокли

Первая неделя пребывания в новом для меня регионе завершилась поездкой к морю, на берег залива Ла Коста, выходящего в Атлантический океан. Компания была отличная – донья Нелли, её супруг дон Мигель, Камило и я. Проезжали мы через Афартадо и Курбо – два из четырёх населённых пунктов, в которых, как заметил мне по дороге Камило, нам с ним предстояло работать. Мы с Камило оба боялись солнца и прыгали в волнах прямо в бейсболках. Кроме того, мы были обильно намазаны защитным кремом. Как я определила на другой день по цвету своей кожи и неприятным ощущениям, крем мне не помог, для кожи настолько белой, как у меня (одна девочка из группы детского сада спросила меня: «А почему Вы такая белая?»), требовался крем со стопроцентной защитой.

Место, имеющее, очевидно, индейское название Нэкокли, было примечательно тем, что именно туда высадились испанцы, когда начали проникать на континент. Дон Мигель рассказывал нам об этом, рисуя на песке географические карты. «Какая ценная информация!» – воскликнул Камило, и я согласилась с ним. Он ещё что-то прокомментировал, и я отметила про себя его тонкий ум.

В этот вечер донья Нелли поила чаем нас обоих, мы много смеялись, я показала им мультфильм «Каникулы Бонифация». Камило восхитило изумительное музыкальное сопровождение в этом шедевре советской мультипликации, он захотел показать мультфильм своей дочери, Алисии, которой в этом году исполнилось семь лет. Когда мы с Камило ужинали в ресторане кампаменто, к нам подошли люди из съёмочной группы. Они готовили ролик о деятельности фонда в Ла Косте и попросили нас показать симфонический проект. Камило стал объяснять, что проект начался только в прошлом году и что показать оркестр как таковой мы пока совсем не можем.

– Хорошо, это понятно, но тем не менее, мы возьмём у вас интервью и попросим подготовить какой-то музыкальный фрагмент, буквально на две минуты, – ответили нам.

Мы начали соображать, что бы мы могли такого выдать по этому запросу. В светлую голову Камило пришла идея взять мажорный эпизод «Легенды» Венявского. Когда начали репетировать, придумали, что надо бы добавить в пьесу и Симона – мальчика, учащегося играть на виолончели. Симон в прошлом году закончил Институт Бананерос и уже учился в Национальном университете в Магдалене, но, тем не менее, почти каждые выходные приезжая к родителям в Афартадо, приходил в институт репетировать. Мы сделали для Симона

копию нот – клавира, и я указала ему играть басовые ноты партии фортепиано. Так на скорую руку сложилось наше трио. Звучало симпатично.

Симон, с которым я познакомилась за год до того в Москве, когда Камило включил его в состав группы, приехавшей на фестиваль «Вселенная звука», выступал в этом трио делегатом детей, обучающихся в нашей симфонической школе. Это был хороший опыт слаженной работы в экстремальной ситуации, мы продемонстрировали всё, что было нужно, при этом понимая без слов, что, по сути, мы сделали самую настоящую «халтуру» «на случай».

Между этими делами мы втроём – донья Нелли, Камило и я – пытались прояснить, как нам продвигать другую часть симфонического проекта – создание центров начального музыкального образования в четырёх районных центрах Ла Косты. На порыв доньи Нелли звонить ректорам школ этих самых районных центров Камило ответил, что мы пока не вольны предпринимать что-либо: дело стоит из-за того, что алькальды районных центров не отвечают на присланные им официальные письма. Камило уехал, а мы с доньей Нелли остались. Пока дело с алькальдами затормозилось, мы со струнниками, воспитанными Камило, начали уроки сольфеджио и теории музыки.

Настоящий друг

Продолжая занятия с детьми института, я набралась любопытных тактильных ощущений, поскольку переглядила уйму детских голов с абсолютно разными по качеству волосами.

Сплетение трёх больших линий – индейской, европейской и африканской – обеспечило пестроту этнического состава жителей Южной Америки и дало мулатов и метисов всех мастей и оттенков. Дети с самого начала проявили ко мне нежные чувства и кричали, завидя меня издали: «Profesora⁹ Anastásia!» Если младшие дети встречались со мной, они кидались обниматься. Так продолжалось даже тогда, когда я перестала быть учителем музыки института и занялась, наконец, своим непосредственным делом – обучением детей симфонической школы.

На первом же занятии с двумя скрипачами, Марианой и Рикардо, одной альтисткой, тоже Марианой, виолончелистом Симоном и контрабасистом Хуаном Давидом выяснилось, что теоретическая база у них фактически отсутствует. Они говорили «ля мажор» просто потому, что заучили это слово, не подозревая о существовании квинтового круга и смутно представляя себе знаки в тональностях. Я была очень удивлена. Они нахватались терминов, но всё это были для них отдельные слова, никак не увязанные в систему. Петать по нотам они не умели совершенно. Мне хотелось спросить, как же они играют, если не могут спеть и три ноты, а уж о том, чтобы спеть то, что они играют, и речи не было. Никогда в жизни я не видела ничего подобного.

На протяжении двух-трёх уроков я пыталась, основываясь на их обрывочных знаниях, заполнить пустоты в их головах. Очень скоро я поняла, что это бесполезно: было слишком поздно. К тому же, меня осенило, что эти огромные дети – двенадцати и тринадцати лет – начали заниматься только в прошлом году, а не с пяти и не с семи лет. Уже набравшись некоторой информации, восприняв её криво, они рисковали так и остаться с кривым представлением о музыке, а, кроме того, их сознание уже достаточно зачерствело для восприятия нового и сложного материала, который усваивается постепенно и на протяжении многих лет.

Всё это я за вечерним чаем с панелой по-дружески рассказывала донье Нелли. Она отвечала:

– Но ведь они только что начали, хорошо, что у них вообще есть интерес, что Камило разбудил этот интерес, поддерживал его и что до сих пор этот интерес не угас.

Хуан Давид, контрабасист, почти не умел читать нотный текст и играл, в основном, по слуху. Я спросила Камило, как так вышло. Он ответил, что Хуан начал заниматься в про-

⁹ В испанском языке слова «доктор», «профессор» имеют женский род: doctora, profesora, с ударением на вторую «о».

шлом году только в октябре, поэтому не успел освоить нотную грамоту. «К тому же, – добавлял Камило, – не всегда ведь нужны ноты, можно иногда и без нот». Я ответила, что можно, но не в симфоническом оркестре и подумала, что, вероятно, Камило в прошлом году не хватило дисциплины на то, чтобы дать детям базу, и что он ждёт от меня именно этого – жёсткой руки и ежовых рукавиц.

Вопрос о районных центрах всё ещё висел в воздухе. Мы с Камило решили заняться пока набором новых детей в институте. Я настояла на смене возрастной категории с двенадцати-тринадцати на восемь-десять лет, и объявила набор детей среди третьих, четвёртых и пятых классов. Ещё до набора детей у меня возникли новые вопросы, к примеру, как организовывать занятия, когда начнутся уроки игры на инструментах и какие это будут инструменты, кроме скрипки, или все тридцать будут играть на скрипке... Помимо всего прочего – как сделать такое расписание, чтобы оно было согласовано с расписанием будущих занятий в районных центрах? Мы обсуждали это с Камило по телефону, но ни к чему конкретному не приходили. На мой вопрос о том, когда он приедет в Ла Косту, он ответил, что ему оплачивают только два приезда в месяц, и в этом месяце лимит уже исчерпан.

Беседовали мы и с доньей Нелли. В тот момент, когда я спрашивала её разрешения на объявление прослушивания детей института, она включилась и в процесс с районными центрами, который должен был бы уже начаться, и стала звонить знакомым ей ректорам Афартадо и Марепы. Марепа была ещё одним населённым пунктом, в котором должно было начаться музыкальное образование – вернее, мы должны были его начать.

Я сидела в кабинете доньи Нелли, докладывая полученные от Камило сведения и излагая свои мысли и опасения, как вдруг она схватила трубку и со словами «если мы не будем ничего делать, в бездействии потом обвинят нас» стала звонить ректорам. Она держала трубку и смотрела мне прямо в глаза своими огромными чёрными глазами. Я не отводила взгляда, а про себя думала: «Какая удивительная женщина». Ей было безразлично. Ей всё было безразлично, а уж симфонический проект её искренне интересовал. Будучи человеком скромным и малоразговорчивым, отмеряющим каждое своё слово, она говорила мне важные вещи о себе невзначай и только если на эту тему зашла речь. Так однажды, когда я заговорила о Бахе, она обмолвилась, что было трудно петь его Мессу си минор. Я округлила глаза: петь Мессу си минор? И тогда она рассказала, что в Магдалене они с Мигелем поют в хоре, исполняющем, в основном, духовную музыку. Я рассказала об этом Даниэлю, и он ответил: «Да? Ничего себе! Ты знаешь, для меня, если какой-то человек знает хотя бы имя Иоганна Себастьяна Баха, я сразу начинаю его уважать, для меня это – некий показатель...».

Донья Нелли дозвонилась до нескольких ректоров и назначила им встречу у себя в институте. На предстоящие выходные она планировала отъезд в Магдалену с задержкой на несколько дней – Святая Неделя была выходной. Я планировала остаться в кампаменто и заниматься с детьми – в прошлом году Камило «зажёг» их настолько, что они готовы были заниматься дни напролёт, тем более, если не было занятий в школе. За несколько дней до этих выходных я выяснила, что моя банковская карта не работает, и банкомат мне денег не выдаёт. Донья Нелли, посвящённая во все мои дела, обещала свозить меня в Афартадо, в отделение банка, чтобы разобраться.

Вышло так, что осталась одна только рабочая пятница накануне субботы, дня её отъезда. В середине рабочего дня, начинающегося у неё ежедневно в шесть сорок утра, она позвонила: «Ана, – она стала постоянно называть меня так, – я подумала, что ведь я завтра уеду, и ты останешься без денег с неработающей картой. Давай сейчас съездим в банк». Я была растрогана. Меня кормили в ресторане кампаменто, и вопроса о жизни и смерти не стояло, ничего бы не случилось, останься я с неработающей картой. Но мы поехали в банк, где у доньи Нелли были знакомые. Работая ректором Института Бананерос в течение шестнадцати лет, она приобрела тысячи знакомых, которые были родителями и прочими родственниками детей, только

что поступившими, учащимися или уже закончившими. Знакомая в банке была управляющей последнего, и приняла нас в своём кабинете без очереди. Она дала нам форму для заполнения. Я писала под чутким руководством доньи Нелли и про себя улыбалась: после каждой заполненной мною строчкой она чисто учительским тоном заключала: «*Muy bien*»¹⁰.

У нас приняли заполненную бумагу, и тут настал час, когда с меня в очередной раз попросили седулу. Со второго дня своего приезда в страну я поняла, что без этого документа – основного удостоверения личности – там никуда. Седулу спрашивали не только в банках, но даже в обувных магазинах. Они вводили номер в базу данных, и мгновенно удостоверляли личность любого покупателя. Наконец, когда оформленная рабочая виза дала мне право занять седулу, я уехала в Ла Косту, не успев дожидаться получения заветного документа, а лишь получив номер седулы.

– Ваш счёт не был активирован. Вашу седулу, пожалуйста, и мы закончим активацию счёта, – вежливо сказала сотрудница.

Мы догадывались, что этот момент наступит. Нам пришлось признаться, что у нас её нет, и сотрудница отправила нас обратно к управляющей.

– Дело в том, что у нас её нет *en físico*¹¹, – начала извиняющимся тоном донья Нелли, – о её готовности нам сообщили только что из Магдалены. Но за личность Анастасии я могу поручиться, я беру на себя ответственность. Может быть, возможно закончить сейчас операцию, а седулу мы привезём позже...

– Если вы привезёте её как можно раньше. Вот мой мобильный телефон.

Мы вышли из банка и сели в машину. Идея о том, что теперь мне просто необходимо ехать вместе с доньей Нелли в Магдалену, витала в воздухе. Я её не высказывала, а моя благодетельница как будто набирала воздуха и наконец произнесла с интонацией победителя:

– Таким образом, ты должна ехать в Магдалену!

Отель Нелли Джанет

Мы выехали в Магдалену в субботу, в девять утра. Начиная с этого момента и до следующей субботы моё общение с доньей Нелли прерывалось только однажды, когда я, уже по возвращении, занималась с ребятами.

Мы выехали из кампаменто и повернули направо – на юг, проехали Марепу, а в Ригородо купили продуктов и других бытовых принадлежностей и остановились у Мутаты купить юку. Мне понравилось, как донья Нелли говорила с продавцами. Позже я увидела, что восемьдесят процентов населения Ла Косты – простой народ, крестьяне, и она держалась с ними и соблюдая дистанцию, и, как исследователь, изучая и подмечая особенности речи и поведения, и снисходительно, когда они называли её «*mamí*», «*матушка*».

Коробка с продуктами из супермаркета Ригородо предназначалась для доньи Сусанны – матери одной из уборщиц Института Бананерос, живущей прямо у дороги, соединяющей Ла Косту с Магдаленой. Сначала дорога пролегла среди полей, мы ехали по равнине, и донья Нелли сетовала на засуху. Поля были бледно-жёлтыми, с выжженной солнцем травой. Чем ближе мы подъезжали к горам, тем становилось зеленее. Равнина кончилась, и начались горы. Каждую секунду из-за нового поворота открывался новый вид, и невозможно было сказать, какой вид красивее, тот или этот. Горы были сплошь зелёные, от высокой влажности зелень была необычайно яркой. Справа от дороги всё время тянулась пропасть, поэтому были видны ярусами уходящие вдаль горы, на которые то набегали тучи, то разливалось солнце.

Донья Нелли с самого кампаменто неустанно рассказывала мне, где мы едем, как называются реки, через которые проезжаем, что означают индейские названия рек и населённых

¹⁰ «Очень хорошо» (исп.)

¹¹ «Физически» (исп.)

пунктов... Так я узнала, что «до» в словах «Афртадо» и «Ригородо» означает «река». Мы слушали музыку из коллекции доньи Нелли, и я отметила её прекрасный вкус. Она подпевала, обнаруживая знание всех текстов всех песен, которые звучали. Среди разных певцов сальсы и старой испанской поп-музыки, в коллекции были песни Виолеты Парра – чилийского музыканта и художницы с драматической судьбой. Я слушала её песни, ещё будучи в России, и спросила у доньи Нелли, как ей показался снятый о Виолете Парра фильм. Оказалось, что она его не видела, и мы решили по прибытии в Магдалену посмотреть фильм вместе.

Слева от дороги возникли крытые соломой хижины, открытые, как беседки, и стоящие на высоких сваях. Это была индейская деревня. Донья Нелли рассказала, что решением правительства им выделили эту территорию для постройки своего традиционного поселения. Они жили там, почти не выходя в города, не учась в университетах и не регистрируя браки. Контраст между этими хижинами и, скажем, коттеджами кампаменто был колоссальный. Один процент индейского населения страны жил своей жизнью, составляя огромную социальную проблему. Они не вписывались и не хотели вписываться в современную политическую, социальную и экономическую систему. Иные из них при попытках правительства сделать из них полноценных граждан, только уходили глубже в горы и не пускали к себе чужаков.

Донья Сусанна была маленькой старушкой, живущей между дорогой и пропастью в хижине с земляным полом. Пока донья Нелли играла с её котёнком, донья Сусанна вздохнула: «Она навещает меня чаще, чем мои собственные дети...» Помимо продуктов и мыла, донья Нелли дала одинокой старушке ещё двадцать тысяч песо денег, и мы поехали дальше. Около пяти часов вечера мы въехали в Магдалену, и тут я, наконец, выдохнула: Нелли Джанет Аранго гнала по серпантину на высокой скорости, вследствие чего дух у меня захватывало не только от созерцаемого пейзажа.

На Магдалену мгновенно свалилась ночь. Мы медленно заехали на подземную стоянку, где нас встретил дон Мигель. Едва успев занести вещи в квартиру, мы пошли прогуляться до соседнего торгового центра. Донья Нелли познакомила меня со своими дочерьми, Исабель и Сарой. Младшей, Саре, было двадцать лет, и она ещё не совсем вышла из подросткового периода. Почти в каждой её фразе слышался дух бунтарства и максимализма. Исабель, на четыре года старше, помимо того, что была старше, была совершенно иного склада. Говоря, обе смотрели прямо в глаза, как их мать, и взгляд их был прямой, открытый и честный. Обе вегетарианствовали, и на другой день порадовали нас великолепной лазаньей.

Следующий день мы провели прекрасно. Сначала мы ездили навестить старшую сестру доньи Нелли, Глорию. Однажды я показала Нелли Джанет видеоролики с записями моих выступлений в составе Фольклорного ансамбля Московской консерватории и в составе Оцука дайко кадзуракай – ансамбля игры на японских барабанах тайко. Это произвело на неё неизгладимое впечатление, и с тех пор, куда бы мы с ней не заходили, она просила меня включать эти ролики и комментировала их сама. Меня неизменно умиляли её комментарии и её восторг.

В доме Глории донья Нелли вспомнила об отчествах – этой особенности русского языка и культуры, о которой у нас с ней уже был разговор. Приводя ей примеры отчеств, я спросила, как звали её отца. Оказалось, что Иван – это имя распространено в их стране. Тогда я ответила, что она получается Нелли Ивановна. Кроме неё в семье есть ещё три сестры и один брат – Глория Ивановна, Патрисия Ивановна, Матильда Ивановна и Иван Иванович. Матильда Ивановна жила в США, а вот с Патрисией Ивановной мы тоже встретились.

Я общалась со всеми с упоением. Мы провели несколько безоблачных и беззаботных дней в Магдалене, не расставаясь ни на минуту. Провели так, как показывают в латиноамериканских сериалах. Меня поразило то, насколько хорошо мне в её компании – со мной кто-то был, но как будто никого и не было. Будучи человеком интересным, тонким и глубоким, с большим опытом, она совершенно не давила, ничего не старалась показать, с ней было легко.

Она была открыта, дружелюбна и мила со всеми, но одновременно и закрыта, вся в себе. Это, как и многое другое, напоминало мне саму себя, и временами я смотрела на неё, как в зеркало.

Седулу мы получили за пять минут и довольные явились в офис фонда. Лилиану мы не застали, она уехала в командировку, но нас принял сам доктор Луис Фернандо Суарес Торрес – президент фонда. Он спросил, как продвигаются дела, и я ответила, что набираю новых детей и занимаюсь теорией музыки с теми, кто уже начал в прошлом году. Никаких подробностей мы не выкладывали. Доктор Суарес спросил, где я остановилась в Магдалене, и донья Нелли ответила: «Отель Нелли Джанет». Президент улыбнулся, а она прибавила: «Я её удочерила».

Донья Нелли рассказывала мне о взаимоотношениях со своими родственниками. Среди прочего рассказала она историю замужества своей тёти Мерседес, которая влюбилась в негро, Карло, собралась за него замуж, и тогда бабушка отреклась от внучки, сказав ей, что она предала католическую веру. Несмотря на это, Мерседес-таки вышла за Карло. На другой день мне показали дядю Карло на фотографии, и я увидела, что он отнюдь не такой тёмный, как я себе вообразила, а просто мулат. Мы подъезжали к дому, когда, заключая рассказ о Мерседес, донья Нелли сказала:

– Ну вот, теперь ты знаешь всё о моих родственниках, а друзей у меня очень мало. Их почти нет. У меня два друга, Мария Элеонор, которая сейчас живёт в Мексике, и – она сделала указывающий жест правой рукой в мою сторону – Анастасия.

– Какая честь!..

В Ла Косту мы вернулись вместе с Мигелем. Когда он уехал, донья Нелли стала постепенно, на протяжении нескольких вечеров рассказывать мне об их отношениях. Она не делала этого безостановочно, это вообще нельзя было назвать рассказом. Она произносила отдельные фразы, всегда по поводу, а поводом могло стать что угодно. Самым выразительным были, однако, не эти разрозненные фразы, а её звонки семье в моём присутствии, которые очень быстро вошли у неё в привычку. Она сидела напротив под жёлтым вечерним светом лампы за столом в глубине комнаты, у окна, за которым дико свистели цикады и, глядя мне в глаза, говорила с мужем или с дочерьми, выражая глазами и мимикой своё отношение к произносимому на том конце и свою позицию в ответах. Так я всё больше погружалась в подробности и перипетии её отношений.

Однажды вечером она повезла меня в костёл. Мы приехали в Афартадо, когда уже стемнело, но ядовито-розовые игрушки и полотенца в магазинчиках вдоль дороги всё ещё призывали покупателей. Донья Нелли спросила, есть ли русский аналог молитвы «Credo». Мы стали сопоставлять тексты «Credo» и «Верую» и пришли к выводу, что в испанском варианте (не знаю, испанском ли, латиноамериканском ли) отсутствует фраза «...и в Духа Святого, Господа Истинного и Животворящего, иже от Отца исходящего...». Я вспомнила, что Западная и Восточная церкви разошлись, в частности, именно в этом. Для Восточной ветви Святой Дух исходит только от Отца, для Западной – от Отца и Сына. В том варианте, который мне рассказала донья Нелли, этой фразы просто нет, после «и в Духа Святого» сразу следует «в католическую и апостольскую церковь». Всё остальное совпадает с русским вариантом слово в слово.

Костёл был маленьким и невыразительным. Фактически это был молебельный дом с лавками, расставленными по периметру большой главной комнаты.

После «Credo» мы ещё долго говорили о различиях и сходствах католической и православной церквей. Про себя я понимала, что сейчас она, донья Нелли, открывает мне ещё одну сторону своей жизни. Как и всё, что она делала, молилась она искренне, хотя и не без характеризующего её нетерпения.

Пока Камило отсутствовал, я продолжала занятия со струнниками. Обнаружив, что они не играют никаких этюдов, я, испытывая гордость за отечественную музыкальную педагогику, нашла в интернете и школы игры, и самые базовые технические вещи, и маленькие пьески. Учебник сольфеджио для пятого класса пришлось сменить на пособие для самых маленьких и начать с песен «Андрей-воробей» и «Сорока-сорока». К моему великому изумлению, читать нотный текст дети почти не могли. Их игра была фактически подбором по слуху, а о том, чтобы петь по нотам, не могло быть и речи. Но даже больше этого меня удивило то, что они абсолютно не умеют заниматься самостоятельно и вообще не имеют представления о том, что такое процесс обучения игре на инструменте. В моей голове зрел один большой вопрос: чем они занимались в прошлом году?

«Лев Толстой очень любил детей»

Донья Нелли уехала в Магдалену, на этот раз без меня – я была занята с ребятами. Я написала ей в первый же вечер, в тот момент, когда с непривычки проводить вечер без неё почувствовала пустоту. Она ответила мгновенно, рассказала, что приготовила фасоль, и что вышло удачно. На другой день мне позвонила Беатрис Лопес, приятная, открытая и весёлая жена инженера фабрики банановых коробок. Перед отъездом донья Нелли предложила мне провести время на выходных с Беатрис. Я возразила, что не нуждаюсь в компании ради компании, намекая, что есть с этой точки зрения большая разница между нею и очаровательной Беатрис, хоть они и соседки. Имея многолетнюю и профессиональную привычку принимать решения только и не слушать возражений, Нелли всё-таки попросила Беатрис составить мне компанию. Впрочем, ничего плохого из этого не вышло.

Мы с Беатрис поехали на её машине в Афартадо. Беатрис сначала говорила без умолку, а потом поставила мне один из её любимых дисков. Педро Варгас запел: «*Espérame en el cielo corazón, si es que te vas primero...*»¹². Эта первая фраза тронула меня до слёз, и Беатрис Лопес перестала быть в моих глазах такой уж легкомысленной. В Афартадо, в супермаркете, мы нашли свёклу – совершенно не типичный для латиноамериканцев овощ, потом дома сварили её, натёрли и сделали салат. Беатрис впервые в жизни пробовала свёклу. Роскошный дом, утопающий в тропической зелени, её красивое смугловатое лицо, улыбка и это слово, которое она произнесла в тот день бесчисленное количество раз, – *gemolacha*¹³, – всё врезалось мне в память.

В понедельник, в большую перемену, я пригласила Даниэля выпить сок в ресторане кампаменто. По дороге он расспросил меня немного о моей жизни, о симфоническом проекте, а потом, когда мы сели за стол, стал задавать другие вопросы:

– А этот Камило, он кто?

Я улыбнулась:

– Директор проекта.

– Да?! И где он?

И тут я поняла, что этот Даниэль – не промах. С этого нашего диалога я начала ощущать в нём сильную поддержку, которая выражалась в том, что он озвучивал мои мысли, не давая мне считать, что мысли эти сугубо субъективны.

Через несколько дней мы снова пошли выпить сок в кампаменто и на обратном пути встретили донью Нелли. Путь к калитке, соединяющей кампаменто и школу, был только один, и лежал он через её дом. Я не придавала этой встрече никакого значения, но, когда в следующий раз позвала Даниэля в кампаменто, он ответил, что ректор запретила ему покидать территорию школы в рабочее время. Она безошибочно почуяла наши с ним доверительные отноше-

¹² «Подожди меня на небе, сердце моё, если уйдёшь первым...» (исп.)

¹³ «Свёкла» (исп.)

ния и нашла изысканный способ ограничить их. Мы стали общаться в тёмной, без окон, холодной комнатке с инструментами. Там стояло электронное фортепиано. Комнатка закрывалась на ключ, и я сделала дубликат ключа Даниэлю.

Он, поступив на работу, каким-то образом раздобыл ключ от музыкального класса, который никто, даже донья Нелли, не мог найти, и сделал мне дубликат. Он затеял в музыкальном классе большую перестановку, довёл до конца начатое мной дело по наведению там порядка и, занимаясь с детьми, думал о том, как решать поставленную ему задачу: ориентировать уроки музыки в школе на проект создания симфонического оркестра и искать возможности в рамках этих уроков давать детям начальное музыкальное образование. Он стал воспитывать в детях, начиная с пре-детского сада, благоговейное отношение к самому классу, который теперь закрывался и перестал быть киоском развлечений, наполненным штуками, на которых можно погреться, когда придёт охота.

Первую неделю работы Даниэля я помогала ему, пользуясь только что приобретённым опытом, показывала, где найти нужных детей, водила их с ним и присутствовала на занятиях. Он рассказал мне, что скрипка в Ла Косте – это всё равно, что лёд в Африке, в природе не существует. На музыкальном отделении филиала Университета в Афартадо скрипки не было. Для местных жителей инструмент этот, как и такие духовые, как гобой и фагот, были совершенной диковиной.

В нашей бесконечной переписке с Камило я настояла на том, чтобы возраст детей, принимаемых в симфоническую школы Института Бананерос был ограничен десятью годами. Задавая ему вопросы, на которые у него почти не было ответов, а только объяснения, я убеждалась в том, что ему не хватает дисциплины труда. В конце концов мне удалось организовать прослушивание детей. Прослушав за два дня пятьдесят детей, я вспомнила строки «Анекдотов» о великих писателях, приписываемых Даниилу Хармсу: «Лев Толстой очень любил детей. И всё ему было мало. Приведут ему целую комнату, а он кричит: «Ещё! Ещё!»

Я отбирала детей только с выраженными музыкальными способностями, чтобы сразу же начать с ними интенсивный курс. Сара Картахена из четвёртого «А» на мой вопрос «умеешь ли ты петь» ответила: «Да, и очень хорошо!» Это оказалось правдой – девочка сильным, чистым голосом спела куплет эстрадной песни на английском языке. На исходе второго дня у меня в руках было тридцать ярких музыкальных детей Института Бананерос, и предстояло разработать такое расписание их занятий сольфеджио, чтобы в него поместились ещё и будущие дети – из Афартадо, Курбо, Марепы и Ригородо.

Эта часть проекта, которая должна была осуществляться в сотрудничестве с фондом «Караколь» по-прежнему была за завесой тайны. Камило произнёс имя Хуана Карлоса Арена-наса Гонсалеса – сотрудника от фонда «Караколь», отвечающего за проект – и добавил, что тот должен был бы с нами уже связаться, а не делает этого.

– Конечно, – говорил Камило, – «Караколь» – фонд социальный, их прежде всего волнует *cobertura*¹⁴, они, например, много занимаются спортивными проектами. Там, как ты понимаешь, совсем другая специфика, там можно задействовать тысячи детей, и «Караколь» как раз это и нужно.

И он долго рассказывал мне об особенностях местных фондов и своём опыте общения с ними.

30 марта, в среду, мы с доньей Нелли готовились принять шесть директоров шести школ из Афартадо и Марепы. Приехала директор школы в Марепе донья Кармен со своим преподавателем предмета, именуемого *artística* – что-то вроде художественного воспитания, всё равно

¹⁴ «Охват» (исп.)

в каком ключе. Наполнение этого предмета целиком и полностью зависит от учителя. Если он умеет танцевать, значит, учит детей танцевать, если рисовать – значит, рисовать. При этом быть *profesor de artística* в Ла Косте отнюдь не означало иметь соответствующее образование. Как я скоро поняла, методику и программу курса *artística* можно было кратко определить, как «кто во что горазд». *Profesor de artística* из школы доньи Кармен, Эдуардо, был похож на старичка-лесовичка, и держался скромно. Из другой школы в Марепе, под названием «Луис Карлос Галан» приехал *profesor de artística*, большой добрый негр Эльвин.

Мы сели за стол, покрытый белой, а сверху по диагонали ещё синей скатертью в классе *Audiovisuales*, оборудованном экраном и предназначенном для просмотра видео и для собраний преподавательского состава Института. Там был, помимо прочего, кондиционер, что делало это помещение ещё приятнее. Донья Нелли поблагодарила прибывших из Марепы за их добросовестность и стала рассказывать им о проекте:

– Фонд «Бананерос» в прошлом году начал проект, о котором давно мечтал: проект создания симфонического оркестра. Руководитель проекта – маэстро Камило Хиральдо, скрипач и дирижёр. Здесь с нами его соратница, Анастасия, которая приехала из России.

– То есть, она – местная, но сейчас приехала из России, да? – попыталась уточнить донья Кармен.

– Нет, – улыбнулась моя ректора, – она русская из России.

– Как это?..

Тут ей пришлось прерваться, чтобы гости успели разобраться и подивиться. Когда изумление поутихло, она продолжила:

– В прошлом году проект начался только для Института Бананерос. В этом году идея состоит в том, чтобы расширить географию проекта, поделиться этим и с другими *municipio*¹⁵, и вот сейчас мы это начинаем. Маэстро Камило бывает здесь наездами, а вот *profesora Anastásia* приехала с тем, чтобы постоянно работать над проектом...

Потом заговорили о том, что музыка, о которой идёт речь – это *música sinfónica*¹⁶, неведомая местному населению. Донья Нелли горячо, активно жестикулируя, объясняла, как это важно, дать детям возможность получить музыкальное образование – не уличное, а настоящее, дать возможность заглянуть в совершенно другой мир. Готовая подписаться под каждым её словом, я смотрела на неё с восхищением. Донья Кармен реагировала на некоторые реплики нашей ректоры бурными и продолжительными тирадами, которые, однако, не были бессодержательными. Эльвин тоже подхватывал слова доньи Нелли и, широко улыбаясь, выражал глубокую благодарность фонду и надежду на то, что мы сможем развивать это дело. Я видела, что он, хоть и не будучи профессиональным музыкантом, «слышал звон», что у него в этом месте наболело, и он искренен в своих словах. Мы расстались на том, что в пятницу, первого апреля, я поеду с визитом в эти две школы.

На другой день утром я вышла из дома, который находился прямо за одним из зданий института, ожидая продолжить свои прослушивания. Но в окнах корпуса не видно было ни одного ребёнка и не слышно никаких звуков, кроме пения бесчисленных птиц. Солнце появлялось всегда в шесть утра и садилось в шесть вечера. Даже самые первые лучи восходящего солнца делали воздух жарким, и прохлада раннего утра уже улетучилась. Я прошла по пустому душному двору института в кабинет доньи Нелли. Везде стояла непривычная гробовая тишина. Донья Нелли Джанет на мой вопрос о том, что случилось, ответила, что вчера вечером некая вооруженная группировка – одна из тех, что спасали и так спасли народ от наркотрафикантов больше десяти лет назад – распространила листовки с предупреждением не выходить

¹⁵ Муниципио, районный центр.

¹⁶ «Симфоническая музыка» (исп.)

на работу. Полиция через СМИ уверяла граждан, что никакой опасности нет, и можно спокойно ходить по улице. Но граждане верили гораздо больше партизанским группировкам, нежели полиции, и слушались их, а не правительство. Общественный транспорт встал, дети и преподаватели на работу не явились. Для доньи Нелли это был очень подходящий момент немного перевести дух, а я с подачи моей ректоры спокойно села сочинять лекцию для преподавателей.

Лекция называлась «Музыка как часть системы знания о мире» и имела целью ввести всех в курс моей миссии. Я планировала со временем рассказать и об оркестре, его истории и, элементарно, инструментах, которых здесь никто не знает. Первую лекцию я хотела сделать о том, что музыка – это не только, чтобы потанцевать, а если уж говорить о танце, то это вообще-то очень серьезное сакральное действо. Я с удовольствием просидела с этой лекцией весь день в ресторане кампаменто, где на заднем плане стояли столы без скатертей – специально для работы. Было хорошо сквозь большой квадрат дверей смотреть на пальмы у бассейна, слушать птиц, пить время от времени сок и кофе и сочинять, что бы я для первого раза хотела выразить о музыке преподавателям института. Шифер нависал над этой дверью так, что она вместе с зелёно-влажным пейзажем за ней напоминала мне Японию, особенно в дождливую погоду.

Марепа

В первый месяц пребывания в кампаменто мне казалось, что купаться в бассейне можно только до девяти утра и после пяти вечера – в остальное время я боялась там свариться. Не понимая, почему донья Нелли туда не очень стремится, я уговаривала её пойти и разгрузить спину плаванием. Когда мне удалось это во второй раз, я обратила внимание, что она именно занималась спортом, а не отдыхала в воде, ведя непринуждённую беседу.

С первых дней знакомства я высоко оценила эту её черту – не только не проводить времени впустую, но и не искать развлечений. Она не развлекала себя ни разнообразной едой, ни магазинами, ни щебетанием по телефону, ни бесконечным сидением с чашкой кофе за столиком кафе. Этим она разительно выделялась среди граждан страны, в которой я находилась. Каждое её слово было взвешенно и обдуманно. Уроки в школе начинались в семь утра, и каждый день в шесть сорок ректора была уже на рабочем месте. Вечером она часто задерживала своего секретаря и координаторов, и, когда я заходила после шести, она бывала ещё занята. После этого активного плавания в тот день мне больше ни разу не удалось заманить её в бассейн, и я ходила туда одна, выкраивая полчаса после работы и перед ежевечерним общением с ней. По выходным я иногда, если не было совместных с Нелли ранних планов, плавала с семи утра, глядя в высокое голубое небо и думая о том, что всякое время дня в этом краю прекрасно. Вода по утрам была даже немного прохладной, особенно после ночного дождя.

Однажды в воскресенье мы с доньей Нелли вышли гулять в пять утра, чтобы увидеть и услышать обезьян, которые жили на деревьях около дома Марии Элены. Я вышла из «Новой эры», повернула налево, обогнула дом. Слева от меня была полянка с деревьями авокадо, третьи домом справа – дом доньи Нелли. Уличные кошки, которых она кормила, сидели на траве и на бетонной площадке около машины в ожидании завтрака. Все они были невероятно пугливы и не давали приблизиться к себе ни на шаг. Я прошла мимо серого «Форда» доньи Нелли и повернула налево к двери. Там, на небольшой площадке, покрытой тёмно-красной кафельной плиткой, были расставлены кошачьи чашки. Еды для кошек донья Нелли покупала больше и чаще, чем для себя самой. Входная дверь была уже открыта, и покои ректоры от улицы отделяла только тонкая внутренняя дверь-сетка. Её донья Нелли закрывала на шпингалет. Я постукала.

– Ана! Заходи. Выпей кофе или, хочешь, ароматику?

Ароматикой там называют напиток из трав или фруктов, скажем, заваренную мяту или залитую кипятком эссенцию маракуйи – всё, что угодно, даже чай, всё, что не являлось кофе или какао. Я выбрала ароматику и прошла в комнату к креслу по тёмно-красной, почти коричневой плитке, такой же, как в кошачьей столовой. Опустившись в бежевое кресло с короткой спинкой, я стала смотреть в закрытое от насекомых сеткой окно. Как часто бывает в этой стране, стекла окно не имело. Светало. Завидев восходящее солнце, окрасившее лёгкие утренние облака розовым цветом, птицы кричали, галдели, крикали, ухали, и казалось, что их – тысячи.

Донья Нелли покупала большие пакеты кошачьего корма разных видов и перемешивала их. Этой смесью питались не только кошки, но и птицы, и сарихуэлья, живущая у Нелли на крыше. Сарихуэлью она называла Марухой, жалела её и всегда оскорблялась услышанным словом «чуча» – пренебрежительным местным названием этих одиноких животных с длинным крысиным хвостом и причудливой походкой. Когда с ароматикой и кофе было покончено, мы вышли и бодрым шагом направились по дороге, огибающей почти весь кампаменто, искать обезьян. Когда мы переходили маленький овражек, на дороге неожиданно возникла игуана. Испугавшись, она со скоростью света убежала в овражек. «Простите, сеньора игуана!» – сказала донья Нелли.

Обезьян можно было увидеть только ранним утром, и нам это удалось. Я зачем-то сняла очки и несла их в руке. Донья Нелли углядела обезьян первой и сказала мне: «Смотри, смотри!» Я кинулась надевать очки, сделала неловкое движение, очки упали, и Нелли наступила на них. Подняв сломанные очки, я всё же и сама, наконец, получила возможность лицезреть обезьян, которые ловко прыгали, как будто летали примерно в семи метрах в высоту от нас. Крики их были похожи на хрюканье. Возвращаясь, мы встретили Беатрис на велосипеде. Она, имея в виду явственную демонстрацию здорового образа жизни (в виде ранней прогулки) с нашей стороны, воскликнула: «Ave María! Qué juicio!»¹⁷

К моему удивлению, немногие жители кампаменто (а их было около ста) рвались плавать. Постоянным пловцом был муж Беатрис, инженер Элькин. Его можно было встретить в бассейне каждый день после пяти вечера. Плавал он медленно, ритмично и напоминал мне спокойного белого медведя в родных ему водах. Завидев меня, он говорил: «Анастасия!» Мне хотелось побыть у бассейна, но я спешила к Нелли, тем более, что сама завела традицию играть ей на флейте сяо, дабы успокоить её ум после очередного рабочего дня. Ей нравился этот звук, она признавала его расслабляющую силу и часто даже засыпала, слушая его.

Итак, в пятницу 1 апреля я первый раз отправилась в Марепу – посёлок не слишком, но городского типа к югу от кампаменто. В кишащем детьми колледже¹⁸ я вновь встретилась с ректорой Кармен, которая приняла меня очень тепло, усадила в своём кабинете и предложила сок.

- Мы делаем любые соки, из любого фрукта. Какой ты предпочитаешь?
- Из любого?
- Абсолютно! Гуанабана, маракуйя, гуайява, ананас, сапоте...
- Сапоте! – прервала я, выбрав незнакомое слово.
- Отлично. На молоке или на воде?
- На молоке.

Через несколько минут толстая негритянка принесла в высоком стеклянном стакане жидкость нежного бело-розового цвета. От одного этого цвета у меня потекли слюнки, а вкус своей спокойной и ненавязчивой сладостью и свежестью превзошёл все мои ожидания.

¹⁷ «Святая Мария! Какая добросовестность!» (исп.)

¹⁸ То, что там называют colegio, мы назвали бы начальной или средней школой.

– Сейчас мы пойдём в библиотеку. Там соберутся ребята, и ты расскажешь о себе и о проекте, хорошо? – начала донья Кармен, глядя на меня большими карими глазами и поправляя свои роскошные вьющиеся чёрные волосы. С трудом оторвавшись от сапоте и открыв рот, я произнесла:

– Конечно!

Потом она стала вспоминать нашу позавчерашнюю встречу, рассказала о том, как ей выпала удача учиться в Европе.

– Как важно познать другую культуру! Ведь здесь с точки зрения культуры – целина! Ведь что произошло исторически? Исторически произошло то, что испанцы пришли сюда, в этот самый залив, но потом ушли отсюда и основали крупные города, которые стали центрами культуры и образования!..

Она могла бы говорить ещё и ещё, но кто-то заглянул с сообщением, что нас ждут в библиотеке.

В уютной, хотя и немного захламлённой, библиотеке нас ждали десять детей, отобранных преподавателями художественного воспитания как интересующиеся музыкой. Донья Кармен окинула их взглядом и вопросительно повернулась к одному из учителей, стоявших тут же, у стены:

– А где остальные пять?

– Они репетируют с профе.

– Ещё чего! Живо позвать их сюда! Потом порепетируют.

Когда пятеро ребят пришли, донья Кармен представила меня всем, и я начала:

– Фонд «Бананерос» вот уже второй год осуществляет в регионе проект по созданию симфонического оркестра. Проект только начался, и начался он пока только для учеников Института Бананерос, однако задача этого года – привлечь к проекту детей из четырёх *municipios*, из Афартадо, Марепы, Ригородо и Курбо. Я приехала из России, где закончила Московскую консерваторию и аспирантуру, написала диссертацию, получила научную степень, и теперь тоже участвую в проекте. Речь идёт о музыкальном образовании...

Тут донья Кармен прервала меня, обращаясь к детям:

– Речь идёт о том, что вы получаете редчайшую и великолепную возможность получить музыкальное образование от человека, профессионала, который приехал с другого континента, из культурного центра! Вы видите, что вам падает с неба?

Когда пассаж ректоры закончился, я продолжала:

– Музыку, о которой мы говорим, как я уже поняла, принято здесь называть *música sinfónica*, симфонической музыкой. Это не вполне правильно, потому что, на самом деле, таким словом здесь называют европейскую классическую, или академическую музыку, а симфоническая музыка – это только её часть. Симфоническая музыка – это музыка симфонического оркестра.

Тут я провела небольшой опрос по поводу оркестра и его инструментов и выяснила, что на этот счёт в головах, которые я видела перед собой, было пусто. Когда детям было предложено задавать вопросы, один мальчик поднял руку:

– А ведь *música sinfónica* не имеет отношения к нашей музыке?

Под «нашей музыкой» мальчик имел в виду те самые песни, которые своей простой красотой и задушевностью пленили меня когда-то в Москве. Своим вопросом он вновь поднял одну из главных культурологических проблем нашего с Камило проекта, которую кратко можно было сформулировать так: «А зачем козе баян?» Даже работник ресторана кампаменто, добрый и милый парень Хосе уже спрашивал меня с улыбкой: «Зачем здесь нужна эта *música sinfónica*? Ведь люди её не знают, не любят и не слушают...» В ответ на это я объясняла, что испанцы уже приехали и что те самые песни, которые считаются здесь «нашей музыкой» демонстрируют сочетание трёх культур – европейской, завезённой испанцами, африканской

и индейской. Я уже поняла, что местный народ настолько безграмотен, что им кажется, будто между Моцартом и их песнями и танцами нет ничего общего, тогда как и то, и другое находится в рамках функциональной тональности. Другое дело – песни Флор Марии (с которой мы наконец увиделись как раз на той же самой неделе), которые к функциональной тональности никак не относились.

– Анастасия, а можешь ли ты написать им задание, чтобы они поискали в интернете эту музыку, дабы составить хоть какое-то представление? – сказала донья Кармен.

Я повернулась к доске и написала на ней первое, что мне пришло в голову: Бах, Моцарт, Чайковский, Шопен. Дети потихоньку смеялись слову «Шопен», которое здесь произносят как «ЧAPAN». Мы закончили, и ко мне подошёл высокий и худощавый, интеллигентского вида Альберто, profesor de artística. Он сказал, что очень любит классическую музыку и слушает Баха, что он счастлив иметь возможность прикоснуться к этому и просил дозволения присутствовать на занятиях.

Распрощавшись с ними и доньей Кармен, я поехала в другую школу под названием «Луис Карлос Галан». Там меня встретил большой добрый негр Эльвин и повёл в голый ободранный класс. Эльвин подошёл к делу по-мужски чётко и без лишних сантиментов. Перед собравшимися детьми я коротко рассказала о себе, после чего Эльвин вырвал листок из тетради и сказал:

– Хорошо, теперь на этом листе каждый напишет своё имя. Те, кто хочет участвовать в проекте и серьёзно заниматься музыкой, приходят в следующий вторник в четыре часа к классу, где хранятся наши инструменты. Вопросы?

Таким образом на следующий вторник у меня были назначены две следующие встречи с детьми из школы доньи Кармен – на два часа – и с детьми из «Луиса Карлоса Галана» – на четыре. Договорившись об этом, я снова села в такси доня Густаво, – приятного общительного таксиста, которого донья Нелли знала последних лет двадцать, – и он повёз меня в закусочную, желая угостить масаморрой. Когда мы сели за узкий столик, он стал задавать мне серьёзные вопросы о музыке. Нам уже принесли две чашки холодной пресной молочной похлёбки с кукурузными зёрнами, к которой полагался мармелад из гуайявы или, как в Ла Косте, кусок бананового сахара, а я всё отвечала и отвечала дону Густаво, не имея времени притронуться к пище. В этот момент позвонила донья Нелли – она меня уже разыскивала. Высаживая меня у ворот института, дон Густаво сказал: «Спасибо, что приехала учить мой народ!»

Проходя мимо будки охранника, я увидела там донью Нелли, которая, стоя на коленях, ласкала школьную собаку Луну. Ректора покупала этой собаке консервы в жестяных банках. За вечерним чаем и арепой я рассказала донье Нелли в подробностях обо всём, что было в тот день в Марепе. Когда я приехала туда через неделю, то в школе доньи Кармен обнаружила только двух человек, и эти двое были не из тех пятнадцати, что в прошлый раз. Во второй школе пришло несколько детей из восьмого и девятого классов, и мы с ними залезли в пыльный маленький класс – хранилище барабанов и треугольников, используемых для шествий на праздниках. Эти барабаны и тяжёлый металлофон, пластины которого были вставлены в грубо отлитую форму лиры – вот тот инструментарий, который в регионе был известен больше всего. Этот металлофон по неграмотности так и называли – «лира». Знали местные жители ещё трубу, слышали о существовании фортепиано. На этом список музыкальных инструментов для них исчерпывался. В школе «Луис Карлос Галан» о существовании фортепиано не только слышали, но и знали – у них было два синтезатора, на одном из которых я стала играть детям.

Выйдя из «Луиса Карлоса» я встретила преподавателя музыки из школы доньи Кармен, и он сообщил, что дети не пришли, поскольку были на его уроке. Он мыслил себя композитором и готовил с детьми номер художественной самодеятельности с бас-гитарой и ударной установкой. По всему его поведению было ясно, что плевать он хотел на наш с Камило симфо-

нический интерес. Я мило с ним поулыбалась и сделала вывод, что во всех этих школах многое будет зависеть от позиции преподавателя музыки.

В свободное от Марепы время – а его было, хоть отбавляй – я занималась со струнниками Института Бананерос. Каждый новый урок с ними приводил меня к невесёлым мыслям. Наконец, проанализировав результаты деятельности Камило в рамках проекта в прошлом году, я пришла к выводу, что он начал «за здоровье», а потом скатился до художественной самодеятельности – вероятно, на него надавило начальство, и он пошел у них на поводу и стал готовить показательные выступления. Так, во всяком случае, объясняла донья Нелли. В результате получилось, что дети играли непомерно сложную для их понимания музыку, а некоторые из них играли, почти не зная нот. Вдобавок к этому сам Камило отсутствовал последние две с лишним недели, донья Нелли делала за него его организационную, а я за него его педагогическую работу. Проницательный мальчик Даниэль своим вопросом «кто такой Камило?» взбаламутил меня и не дал моему недовольству тем отношением к делу, которое демонстрировал Камило, погибнуть в зачаточном состоянии в глубинах моего сознания.

Устав от постоянных объяснений и отговорок, от полного тумана в деле и от элементарного отсутствия директора, я отписала ему довольно жёсткое письмо, начинающееся с того, что «ты спрятался за спиной у двух женщин». Я высказала ему всё, что думала по поводу той самодеятельности, которую он развёл с ребятами, написала, что так не годится, что музыкант-профессионал такого делать не должен, но закончила тем, что ценю его и верю в него. Маэстро ответил многословно и пустовато, однако поблагодарил за откровенность, попросил не делать поспешных выводов и выразил желание искать точки профессионального соприкосновения, не преминув обидеться на «за спиной у двух женщин» – это показалось ему неуважительным. Прочитав это, я подумала о том качестве этих людей, которое уже отмечала про себя: они – недотроги, и, как капризные дети, не терпят, когда им говорят что-то против шерсти, даже если за дело.

Сезон дождей

Апрель в Ла Косте – сезон больших дождей. Убедиться в этом мы смогли, когда снова пошли в горы. В первый раз тропа была нетрудной – это я поняла во второй свой визит в горы, когда дон Луис повёл нас настоящими джунглями, то и дело вскидывая мачете, чтобы срубить завесу из лиан. Этот второй вариант подхода к даче Марии Элены был уже не для новичков, и мне было трудно. На одном из участков дон Луис, шедший всегда впереди, сказал: «О-о, нет, сеньоры, здесь вы не пройдёте!» Мы подошли вплотную к дону Луису и стали заглядывать вперёд. На резко уходящий вверх подъём упало дерево, из-за которого не видно было, есть ли там проход. Перед деревом протекал ручей, и надо было перепрыгнуть его так, чтобы быть готовым прыгать одним махом и через дерево, за которым ничего было не видеть.

Первой отозвалась донья Нелли: «Как это не пройдем? А ну-ка вперёд!» Когда она была уверена в том, что делает, никто не мог остановить её. И все потихоньку поползли вперёд. Мы преодолели препятствие, и силы у меня стали таять, как мороженое летом. Я вспомнила строки из детского стихотворения про Федорино горе: «И сказала кочерга утюгу: «Я дальше идти не могу». Этот сложный участок закончился, и мы поднялись к большому манго, у которого была узкая деревянная лавочка. Здесь можно было перевести дух и насладиться видом.

Пока мы обедали на даче Марии Элены, полил дождь, как из ведра, и лил так долго, что глинистую дорогу размыло, она стала похожа на каток, и спуск к машине был уже из ряда экстремальных видов спорта. Тем не менее, прогулка удалась. В тот же воскресный вечер Камило прилетел в Афартадо и приехал в кампаменто. После того, как мы крепко пообщались по электронной почте, мне не хотелось начинать выяснять с ним профессиональные отношения этим вечером. Однако мы встретились в доме доньи Нелли и вместе ели патакон, который она приготовила из привезённых с дачи платано. Мы были на кухне, когда он позвал донью

Нелли, стоя за сетчатой дверью. Она пошла, чтобы впустить его, и он появился на кухне. Я поприветствовала своего директора вполне дружелюбно, готовая к дальнейшему сотрудничеству. Мы договорились встретиться следующим утром в семь часов в ресторане кампаменто и обсудить все дела.

Утро было чудесное. Его было приятно провести за чашечкой кофе в ресторане кампаменто, расположенном так, что косые лучи жаркого восходящего солнца не докучали, а лишь освещали пальмы и исполинское дерево у бассейна. Но, по мере диалога с Камило, пейзаж отошёл на второй план и перестал радовать. Он начал с того, что его позвали быть директором другого фонда в Магдалене и что в связи с этим он будет навещать Ла Косту ещё того реже. Он говорил много, и каждая новая его фраза добавляла новую тёмную краску в моё тяжёлое впечатление от этого разговора. Он говорил:

– Твоё дело – назначить урок, и, если дети не пришли, то это – уже не твоя проблема. Просто напишем в отчёте, что дети не пришли.

– Нет, это именно и есть проблема, ведь надо понять, почему не пришли, и поменять что-то, если мы действительно ставим себе целью создать оркестр.

– Но это – не наша работа. Я – музыкант, я должен прийти и играть, когда всё уже готово.

– А кто же будет готовить?

– Администраторы! Дело в том, что в фонде до сих пор не понимают многих вещей, хотя я с прошлого года стараюсь донести до них и специфику процесса, и его сложность. Сначала они думали, что оркестр можно создать за два месяца, и мне пришлось объяснять, что нет, что этот процесс растянут во времени... В прошлом году я начал с детьми из института и пришёл к выводу, что эти дети не годятся. Это дети богатых людей, элиты местного общества, и они не готовы к серьёзной работе. Поэтому я предложил искать детей в municipio. Бедные люди всегда проще и уважительнее в отношении.

Так я узнала, что идея о расширении проекта на районные центры принадлежит ему. Я спросила:

– А как же быть в этом случае с расписанием? Нам ведь просто не хватит физического времени, чтобы одарить вниманием детей Афартадо, Марепы, Ригородо и Курбо, да ещё и Института Бананерос, не говоря уже о том, что в занятиях музыкой нужна регулярность, и один урок в неделю для каждого города не даст нам возможности держать детей в тонусе...

– Не беспокойся об этом. Афартадо, Марепы, Ригородо и Курбо относятся к той части проекта, которая связана с договором с фондом «Караколь». Тебе зарплата выплачивается именно фондом «Караколь» и ты контрактována для него. Не забывай, что проект с «Караколем» больше социальный, чем музыкальный. Наша задача здесь – просто предложить детям музыкальное образование.

Он продолжал рассуждать и объяснять до бесконечности, и красной нитью в его речи проходило всё то же «это не твоя работа». Я отвечала, что всё зависит от того, для чего мы вообще работаем, для отчёта или для конкретного результата. Он удивлённо вскинул брови в ответ на эту мою фразу. Мне не понравилась его реакция, и весь разговор оставил во мне одну только горечь, поскольку направленность беседы и те ответы, которые я слышала, не отвечали моей позиции – ни личной, ни профессиональной, не говоря уже о том, что дело касалось детей.

Во вторник мы с ним и двумя девочками-струнницами поехали в Марепу, выступить в тех двух школах, где я уже была. Я объяснила Камило, что это необходимо, потому как люди должны представлять себе ту музыку, о которой мы говорим. Он не только был согласен, но и сам ранее заикался о подобных мероприятиях, и мы, подготовив на скорую руку несколько пьес для скрипки и фортепиано, дали два concierto didáctico, дидактических концерта, один – в школе доньи Кармен, другой – «Луисе Карлосе Галане». С девочками Камило по-прежнему играл Концерт Массимо Пенесси, стилизованный под барокко, и «Либертанго» Пьяццоллы. На этих двух спонтанных мероприятиях маэстро раскрылся. Он прекрасно провёл

два концерта в двух школах – артистично, организованно, чувствуя публику и общаясь с ней. Я поняла, что вот это как раз по нему – точечные разовые мероприятия, а не кропотливая повседневная работа.

В среду утром он, к счастью, уехал, а я осталась думать и, когда всё «переварила», вышла на новый уровень понимания вещей. Я поняла, что, по большому счёту, с Камило нам не по пути, и работать с ним я буду ровно столько, сколько будет необходимо. Поняла, что великолепно, что мой контракт – трудовой, а его – оказания услуг, таким образом, у нас с ним разное положение в фонде. Я решила, что работаю с Банановым фондом, и мой единственный начальник, как и написано в контракте – президент фонда. Фонд работает с дирижером Камило Хиральдо, значит и я с ним работаю, но не значит, что дирижер не может поменяться. Я почувствовала свою независимость. Два дня, пока был в Ла Косте, он поминутно спрашивал меня «а что мы делаем сейчас?», «а теперь что?» Я смотрела на его располагающее лицо, на выразительно и томно вскинутые брови и думала: «Хорош директор!»

В наших бесконечных разговорах мы затронули проблему репертуара. Я повторила, что единственный для нас выход – делать обработки для того состава, который мы имеем:

– Играть что-то серьёзное дети не в состоянии, у них для этого не хватает элементарной базы. Надо делать обработки простых пьес, надо выбрать что-то ещё более базовое, чем то, что они сейчас играют, и раскладывать на них.

– Да, хорошо, но кто эти обработки будет делать?

Я посмотрела на него. Глядя в эти по-детски невинные, большие глаза под выразительно вскинутыми бровями, можно было сказать только одно: «Святая простота!» Мне хотелось сказать ему: «На что же тогда ты? Преподавать скрипку, как следует, ты не собираешься, оркестровки делать не собираешься, только ручками махать будешь, когда готовый оркестр сядет у твоих ног?» Вслух я сказала:

– Для меня нет никакой проблемы делать обработки.

Вышла пауза. Перед закатом птицы – авторы подвешенных на исполинском дереве гнёзд – кричали особенно пронзительно. Пальмы стали чернеть на фоне ставшего прозрачным неба.

– Для репертуара надо выбирать быстрые яркие пьесы, такие нравятся латиноамериканцам, – продолжал Камило.

– И простые медленные тоже, например, обработать того же «Лебедя» Сен-Санса, которого мы играли в Марепе дуэтом скрипки и фортепиано, добавить туда детей, написать им аккорды, дать каждому по одной ноте из этого аккорда, чтобы каждый её тянул – пусть одну, но качественно. Звучать будет роскошно, а дети будут счастливы, что участвуют, не прыгая выше головы, в музыке.

– Если мы будем играть медленную музыку, людям это не понравится – горячая латиноамериканская кровь, понимаешь?

– Понимаю, но ведь надо воспитывать вкусы, а не только подавать привычные лёгкие закуски, и кому, как не нам этим заниматься...

Упала ночь, и пальмы слились с чёрным небом. Я посмотрела на подсвеченную лампами воду бассейна. Когда Камило был в Ла Косте, моё купание отменялось до его отъезда. Однажды мы ходили купаться с ним вместе. Он плавал беспорядочно и выскочил из воды очень быстро, чтобы не опоздать поужинать перед закрытием кухни ресторана.

Диалог о репертуаре и обо всём прочем мы продолжили в переписке. На мой очередной призыв к серьёзной и ответственной деятельности Камило разразился пространством письмом, в котором изложил мне то, что я от него ожидала: «Дай тобой руководить! Ты в новой для тебя стране, и ты не понимаешь ситуации здесь, не понимаешь специфики работы здешних фондов, даже если имела дело с фондами в России...» Дальше следовало ещё много всяких «ты

не понимаешь». Читая это, я подумала, что в один прекрасный день он может не преминуть сказать: «В конце концов, ты не понимаешь испанский язык!» Я решила замолчать и больше не предпринимать попыток и не взывать к нему.

По поводу «дай тобой руководить» я прокомментировала донье Нелли: «Так шевелись тогда, руководитель!» Мы ехали из супермаркета, и я рассказывала, сидя в кресле штурмана. Она ответила:

– Да, возможно, мы медлительны, долго раскачиваемся...

Тут она увидела на дороге худую грязно-белую собаку, притормозила, открыла окно и сказала, обращаясь к ней:

– Niño! Ты что здесь делаешь, на дороге? Иди домой!

Обращения «ихо» и «иха» – «сынок» и «дочка» – распространено в этой стране, причём не только среди людей старшего и преклонного возраста по отношению к молодым. Так может сказать человек любого возраста другому человеку также любого возраста, но донья Нелли говорила так не только людям (что получалось у неё как-то очень тепло), но и животным. Грязно-белая собака подняла голову в сторону машины и пробежала мимо.

– Как Вы хорошо разговариваете с собаками, – я улыбнулась, глядя на неё.

– Будет забавно, если в один прекрасный день они мне ответят, – пробасила она на одной ноте, без единой эмоции и не отрывая взгляда от дороги. Я захохотала и продолжила:

– Камило хочет мной руководить. Между тем, время уже ушло. Мной нужно было руководить первые две недели моего пребывания в Ла Косте – тогда я в этом нуждалась. Камило, видимо, думал, что я месяц буду адаптироваться, знакомиться, и, пока думал, как говорят в России, *el tren ya se fue*¹⁹. Теперь я больше не буду спрашивать никаких разрешений и не буду ждать его руководства. Никаких внушений и инициатив с моей стороны, просто буду делать своё дело, а он пусть делает то, что ему позволяет совесть.

Мы свернули с дороги, проехали через ворота кампаменто, и донья Нелли, как всегда, раскланялась с охраной. Дальше повернули налево, и ректора стала причитать:

– Ах, я не могу видеть все эти манго, которые лежат и пропадают вот так, на земле...

Это было правдой. Урожай манго был обильным, и жителей кампаменто не хватало на то, чтобы с ним справиться. Несколько раз донья Нелли устраивала детям Института Бананерос официальное разрешение на проход на территорию кампаменто для сбора манго, но даже после этого спелые жёлтые плоды продолжали падать с могучих деревьев с пышной тёмно-зелёной кроной. Трудно было проехать этот участок дороги так, чтобы не раздавить несколько манго. Пару раз мы с доньей Нелли набивали пакеты этими сладкими дарами щедрой природы, везли и раздавали урожай – матери секретарши Сандры, знакомым, случайно встретившимся в Афартадо. Я приноровилась есть их, пользуясь не ножом, как поначалу, а только зубами – было проще и удобнее надгрызть мягкую глянцевою шкурку и обглодать скрывающуюся под ней нежную жёлтую волокнистую мякоть, оставив белую плоскую косточку.

Я смотрела на Нелли, и меня огорчало то бесстыдство, с которым Камило заставил её выполнять его административную работу весь этот месяц, мой первый месяц в Ла Косте. В связи с этим я потеряла к Камило интерес, как к личности, и видела в нём какой-то театр одного актёра с неясными для меня конечными целями. Во всяком случае, я поняла, что никакого единомыслия между нами нет, и что интересы его не лежат в русле музыкального образования. Всё это я выговаривала донье Нелли. Она слушала меня очень внимательно, несколько напряжённо, иногда сильно задумывалась и отвечала мало, всегда стараясь найти оправдание ситуации, Камило, фонду... Тем временем я начала занятия с новой группой детей института и искренне не понимала, что не устроило Камило в этих детях – дети были чудесные. К тому же,

¹⁹ «Поезд уже ушёл» (исп.)

сравнивая старшекласников-струнников с «моими», я пришла к выводу о весьма средних музыкальных способностях у первых.

– Каким образом отбирал Камило детей для участия в проекте в прошлом году? – спросила я у доньи Нелли.

– Он сделал объявление среди старших классов и потом записывал всех желающих.

На первом занятии с младшими я попросила старших помочь мне, показать инструменты и изобразить что-нибудь. Ребята прекрасно справились. Они показали незабвенный Концерт Пеннеси, в котором за пару выступлений успели «заболтать» пассажи, а потом провели с детьми первый урок по скрипке, дав упражнения со смычком. Я отметила недюжинный артистизм старших, чувствовавших себя в роли учителей, как в своей тарелке. На другой день несколько деток прибежали ко мне: «Profesora Anastasia, можно нам поиграть на скрипке?» Я выдала им два смычка, чтобы они повторяли то, чему вчера научились и, не выходя из вечно охлаждаемой комнатки с инструментами, отписала Камило, что преподавателя скрипки по-прежнему не хватает. Он планировал, что начать учить детей может восьмиклассница Мариана, инфантильная, хотя и не бесталанная девочка, которая была по-детски без ума от Камило. Я никогда не была в восторге от этой идеи, а, когда увидела, как Мариана держится при детях, как она распушила хвост и уже мыслит себя педагогом, снова отписала Камило, что, если мы позволим Мариане преподавать, испортим не только детей, но и саму Мариану. На меня накатило ощущение уверенности в том, что Камило, как человек, безусловно, имеющий опыт, но опыт, не сопоставимый с моим, не понимал меня.

Я ходила завтракать и обедать по одной и той же дороге мимо дома доньи Нелли, потом по тропинке мимо бассейна в бесконечных размышлениях. Однажды я шла, потупив взгляд, и едва не наступила на игуану. Обладая великолепной природной маскировкой и умением сидеть, не шелохнувшись, как камень, эти доисторические животные уже не раз пугали меня при приближении к ним. «Доброе утро, сеньора игуана» – подумала я и порадовалась, что встреча не закончилась для меня печально. В очередной раз я повторила себе, что надо быть осторожнее и смотреть под ноги – игуана могла ударить хвостом, и остался бы ожог, как от калёного железа. Добравшись до ресторана и улыбнувшись официантке Келли, я села и в ожидании своего завтрака раскрыла компьютер. Благо, даже в Ла Косте, на банановой плантации, Интернет позволял мне искать и находить ноты и дидактические материалы. Я откопала три квартетных пьесы Моцарта, «Менуэт», «Мюзет» и «Арию», чтобы дать играть старшим детям. Каждая пьеса была на одну страницу, ясная по форме, гармонии, мелодике, ритмике и крайне полезная с дидактической точки зрения.

Даже эти пьесы «в три прихлопа» не давались воспитанникам маэстро Камило легко. Главной трудностью для них было то, что, учитывая полное отсутствие базы, они не осознавали ни гармонии, ни формы, ни ритма, и играющий на контрабасе Хуан Давид считал, сколько нот «ля» он должен сыграть, вместо того чтобы осознать такт доминанты и такт тоники и считать только доли, а не количество «ля». Видя, как странно и неумело эти дети подходят к музыке, я могла только констатировать их испорченность методикой маэстро, которой я уже определённо не могла подобрать никакого другого названия, кроме как «художественная самодеятельность». Я решила попробовать «выправить» этих детей, а новых повести с самого начала, как следует. Камило же рассчитывал, что новую группу будет образовывать Даниэль, что и выразил мне к моему глубокому удивлению. Иметь возможность самому «с пелёнок» воспитать детей, которые будут у тебя в оркестре, и не использовать эту возможность? Невероятно!

Наступил очередной вторник, день Марепы. Каждый вторник я не знала, что меня там ждёт, придёт ли кто-нибудь и будет ли этот кто-нибудь одним из тех, что приходили в прошлый раз. Я обязана была ехать, хотя в дороге раздумывала над тем, откуда, собственно, воз-

ника эта обязанность и есть ли в её непреклонном исполнении какой-либо смысл. Разумеется, ни о каком серьёзном музыкально-образовательном процессе там пока не могло быть и речи. Помимо полной неорганизованности, мгновенно встали и другие проблемы, например, проблема того, что невозможно человеку, появлявшемуся раз в неделю на два часа, в условиях шумной и многолюдной школы наладить процесс обучения музыке. Такого человека для школы фактически не существует. Институт Бананерос в этом смысле был совершенно на другом положении: я жила через забор от него, каждый день виделась с детьми, они облепляли музыкальный класс на переменах, тыкали в клавиши электронного фортепиано и просили нас с Даниэлем играть им. То есть, они так или иначе погружались в атмосферу той самой *música sinfónica*, которая была для региона *terra incognita*. Как мы с Даниэлем прекрасно понимали, эта атмосфера была одним из важнейших условий, была микрофлорой для того самого музыкального образования, из-за которого я ломала копыя.

На мои опасения, связанные с невозможностью никакого процесса в школах Марепы, Камило отвечал, как и прежде, объяснениями, рассказами, рассуждениями, которым не было ни конца, ни края и в которых не было никакого толку. Приехав в третий или четвёртый вторник из Марепы, я, по обыкновению, зашла в кабинет доньи Нелли, доложить.

– Hola, Ana!²⁰ Ты из Марепы? Как дела?

– У меня дела в порядке, но вот с Марепой надо что-то менять.

– Что такое?

– Я убеждаюсь в том, что мои визиты туда не имеют никакого смысла, поскольку те два часа, которые я провожу с постоянно меняющимся контингентом, никак нельзя назвать «уроками». Скорее это некие беседы о музыке, эдакая телепередача «Встреча с прекрасным» – послушали и разошлись, ничем друг другу не обязанные.

Донья Нелли опустила голову и задумалась. Я села за круглый стол светлого дерева и, немного пыхтя от жары, опёрла голову на руку.

– А что же ректоры и учителя школ? – спросила она.

– У них полно своих забот. Они не могут, и мы не вправе требовать от них контролировать процесс, да и процесса никакого ещё нет. Что ж, я пойду, увидимся!

– Hasta luego, Ana! Gracias!²¹

Сразу от кабинета доньи Нелли начиналась открытая *aula multiple*²², переходящая в открытый коридор. Я пошла по уже опустевшему коридору – в институте учились только в первую смену – мимо музыкального класса к зелёной калитке, соединяющей институт и кампаменто. Войдя к себе в комнату, я бросила сумку на одну кровать и легла на вторую. Птицы за окном по-прежнему заливались, солнце по-прежнему палило. Я стала раздумывать о нашем разговоре с президентом фонда. По-видимому, он был в Ла Косте с визитом, и мы случайно встретились в ресторане кампаменто за обедом. Он спросил, можем ли мы устроить симфоническую школу прямо на уроках у Даниэля.

– Нет, – ответила я, – это невозможно по нескольким причинам. Во-первых, с предыдущим преподавателем музыки, Рафаэлем, дети привыкли к тому, что на уроках можно ходить на голове и бить баклуши. Даниэлю сейчас очень трудно перестроить их и приучить к элементарной дисциплине. Во-вторых, детей в классах слишком много, а музыкальное образование – это в любом случае процесс индивидуальный. Однако идея наша с Даниэлем состоит в том, чтобы постепенно направить уроки музыки в Институте «Бананерос» в русло симфонического проекта.

– Что ж, хорошо. Руководство очень довольно нашим проектом, я надеюсь на его успех.

²⁰ «Привет, Ана!» (исп.)

²¹ «До встречи, Ана! Спасибо!» (исп.)

²² Многофункциональный зал (исп.)

«Октябрь»

Камило приехал в пятницу ночью на машине с двумя молодыми музыкантами, которых он привёз как преподавателей трубы и тромбона. Обоих я знала – они ездили с ним в Москву участвовать в фестивале. Теперь нам предстояло провести в Ла Косте бок о бок три дня.

В субботу, 23 апреля, к восьми утра мы ждали приезда детей из Марепы – во вторник я предупредила их о собрании в Институте Бананерос, которое Камило называл «encuentro pedagógico»²³.

Весь день лил дождь. Донья Нелли с приехавшим к ней Мигелем и его друзьями уехали в Нэокли, и я, глядя на этот ливень через огромные окна-стены музыкального класса, недоумевала, что они могут там делать. Я наблюдала, как Камило работает. Он начал неплохо: перезнакомил всех детей, старших, моих младших и тех четверых, которые приехали из Марепы, сказал им, что они – симфонический оркестр Ла Косты и одна команда, начал с ними беседу о музыке, спросил их, что такое «музыка» и с чего она начинается... Трубач Кристиан и тромбонист Хуан Мануэль продемонстрировали свои инструменты и их возможности, после чего дети разошлись по классам струнных (педагогами там были ученики Камило, а не он сам), трубы и тромбона. Потом Камило объявил двадцать минут перерыва и побежал с детьми гонять мяч. По прошествии двадцати пяти минут я пошла на футбольное поле, чтобы загнать всех, начиная с педагога, в класс.

Все вернулись в наш музыкальный киоск со стеклянными стенами, и Камило устроил забавную интеграцию духовых в свой доморощенный струнный квартет из старшеклассников, чтобы дать ребятам почувствовать оркестровое звучание. Это ему удалось, но дальше он свалился в то, что просто гонял туда и обратно в быстром темпе (с которым желторотые струнники не справлялись) те пьесы Моцарта, которые я дала ребятам.

В обеденный перерыв я вышла на крылечко ресторана, чтобы позвонить донье Нелли и спросить, что они делают на море в такой ливень. Она ответила, что в Нэокли не упало ни капли дождя.

Вечером я надела на Камило:

– Надо учить детей каждого индивидуально и давать им базовую технику. Без этого ничего не выйдет.

Он обещал и в воскресенье действительно пытался работать по уму. Между тем мы с ребятами-духовиками готовили несколько концертных номеров к понедельнику – Камило пришло в голову ехать с дидактическими выступлениями по школам. Два дня я ходила с вопросом о том, как быть с организацией этих концертов, ведь ни одна из школ не знает, что мы туда приедем выступать. Директор симфонического проекта отвечал, что в понедельник утром позвоним и поедem. Вопрос для меня так и остался нерешенным, но я доверилась маэстро, подумала, может, у них в стране так принято – свалиться, как снег на голову безо всякого предупреждения, и играть концерт.

С трубой и тромбоном мы срочно взяли «Неаполитанскую песенку» (первое, что мне пришло в голову на слово «труба»), кроме того, Кристиан захотел «Вокализ» Рахманинова, и мы разложили на троих по нотам для трубы и фортепиано. Для тромбона и фортепиано я скачала несколько прекрасных и несложных переложений из Чайковского, в том числе «Октябрь» из «Времен года». Хуан Мануэль не знал этой музыки. Мы с ним стали разбирать, я ему комментировала, где лучше взять дыхание, чтобы не набрасываться на начало фразы, как лучше посчитать и прочее, так что в конце концов он сделал большие глаза: «Сеньора, doctora, profesora... Так с тобой, оказывается, так полезно позаниматься!...» Я посмеялась. Мальчик был очень музыкален и отличался богатым внутренним миром и особой вдохновенностью. Трубач

²³ Встреча педагогов (исп.)

Кристиан был попроще, в «Неаполитанской песенке» он ни одного разу не сыграл те ноты, которые Чайковский написал – все время что-то добавлял от себя. Мы с тромбонистом все время хохотали, каждый раз ожидая новых изобретений трубы.

В субботу вечером мы долго пели и танцевали под гитару в доме доньи Нелли – Камило играл превосходно. Был день рождения одной из приехавших подруг, и мы пели её любимое вальенато так долго, что весь следующий день я продолжала напевать: «*Baranquilla – ciudad de cantores, de vallenato y acordeones...*»²⁴. Вечер вышел настолько тёплым, что я обмякла, и в воскресенье начала думать, что Камило, хоть и поросёнок, но всё-таки несёт в себе музыку. Он спросил меня: «Как ты думаешь, если я все-таки уйду из этого проекта?..» И я настолько углубилась в размышления о том, что он всё-таки хороший музыкант, что ответила: «Даже если ты всерьёз станешь директором того другого фонда, не думаю, что будет так уж невозможно совмещать. Работа уже начата, надо только продолжать в ритме. Ты мне нужен». Он был счастлив.

В субботу стало так холодно, что вкупе с жёлтыми листьями, вечно лежащими на земле и «Октябрем» Чайковского мне начало казаться, что наступила осень. Впервые за два месяца я посмотрела на градусник. Он показывал лишь +23.

На утро понедельника я запланировала демонстрацию трубы и тромбона на уроках Даниэля в Институте Бананерос. Демонстрации скрипки запланировано не было, поскольку Камило должен был, начиная с семи утра, звонить по школам. Мы чудесно проводили трубно-тромбонные уроки, когда в девять часов маэстро вдруг появился в музыкальном классе и ласково сказал мне: «Что ж, я буду начинать звонить по школам?» Я нашла в себе силы ответить ему «да» вместо «ты уже два часа как должен был звонить». Однако оказалось, что у него нет ни одного номера телефона. Дошло до того, что я сама позвонила в свою Марепу и решено было ехать сначала туда, а потом в Ригородо, куда в конце концов пришлось звонить донье Нелли. Таким образом, уже оправдав мой упрёк по поводу местонахождения директора проекта за спиной у двух женщин, последний продолжал в том же духе.

Помимо того, что мы очень долго ждали транспорт (он тоже не был организован Камило заранее), возникла параллельно новая проблема, вылившаяся в ситуацию, моральная сторона которой мне бесконечно противна.

Я была уверена, что мы поедem в составе четырёх человек – педагогов симфонической школы, то есть, поедут Камило, Кристиан, Хуан Мануэль и я. Вдруг Камило предложил мне взять с собой своих струнников. Я округлила глаза – они дети, они в школе, мало того, что на уроках, им надо разрешение от родителей на выход за территорию колледжа, поскольку ответственность за них несёт лично донья Нелли. Но дети уже загорелись ехать, и пришлось начать дурацкую, совершенно стыдную для взрослого человека возню с администрацией с тем, чтобы родители срочно по электронной почте прислали разрешение для каждого из пятерых. Администрация смотрела на меня косо. Я поняла, что больше такого не допущу. В результате дети были обруганы, в том числе от лица доньи Нелли за то, что не принесли разрешений, хотя им было сказано, что поедem выступать. Тут я не выдержала и вступилась: дети не знали и поэтому не принесли разрешений, но Камило имел наглость сказать, что предупреждал их. Он встал рядом с доньей Нелли и смотрел на них укоризненно, принимая участие в их разборе полётов. Я готова была его ударить.

Наконец мы влезли в микроавтобус, последним затащили контрабас, захлопнули дверь и поехали. Было уже двенадцать часов, и вот уже второй час нас ждали в Марепе. К двум я должна была вернуться в институт, чтобы позаниматься с младшими. Переживая скверную сцену с разрешениями, я рассеянно глядела в окно на проносящиеся мимо ананасовые поля и писала Камило сообщение, в котором выразила своё недовольство ситуацией с детьми: «Дети оказались обруганными незаслуженно!» Он ничего не ответил. Снова взглянув в окно, я заме-

²⁴ «Баранкилья – город певцов, вальенато и аккордеонов» (исп.)

тила, что мы проехали мимо Марепы, и направляемся напрямиком в Ригородо. Так молча решил наш директор.

В Ригородо нас не ждали. Преподаватель музыки школы «Агрикола» была обескуражена нашим появлением и прочла нам лекцию о том, что такие вещи надо планировать заранее. Только тогда я сделала окончательный вывод о том, что дела везде делаются одинаково (если делаются всерьёз), а честность и ответственность не зависят ни от цвета кожи, ни от континента, ни от климата. Тем не менее, школа отреагировала на наше предложение экспресс-концерта и нагнала нам человек триста детей. Время поджимало. Мы должны были уже возвращаться назад, чтобы я успела на свой урок. Сидя на сцене за фортепиано, я судорожно писала Даниэлю просьбу посадить моих детей и включить им видео об инструментах оркестра. Когда я потом примчалась к трём часам, дети спокойно сидели, и Даниэль показывал им скрипку и флейту «живьём» после просмотра видео.

После Ригородо мы-таки поехали в Марепу, и там нас уже не ждали. Учитель Эдуардо выразил нам, что утро давно закончилось, и ушёл. Я выглядела полной дурой. Камило сидел, уткнувшись в телефон, и делал вид, что его всё происходящее не касается. К тому времени уже двадцать минут как шёл мой урок в институте. Около сотни детей школы доньи Кармен скакали вокруг нас, ожидая представления, но не было никого, кто мог бы взять дело в свои руки. Я не выдержала, подошла к товарищу директору и начала резко:

- Уже два часа двадцать минут, у меня в институте идёт урок, и я должна быть там!
- Успокойся! Если ты так будешь продолжать, ты потеряешь авторитет в глазах детей!

Чтобы не продолжать, я пошла и села за электрическое фортепиано, которое мы возили за собой. Села и стала ждать, чем это всё закончится. В одном он был прав: надо было успокоиться. Между тем моё проявление подействовало – Камило встрепенулся и, переспросив у меня, дал ребятам команду играть безо всяких объявлений, просто чтобы привлечь внимание. Потом он начал общаться с публикой, поминутно испуганными глазами глядя на меня в поисках поддержки, держал и переворачивал мне ноты, крайне нежно спрашивая каждый раз, что мы будем играть дальше и не свернуть ли уже всю эту катавасию. Без пятнадцати три мы выскочили, наконец, из школы и поехали восвояси. Я позанималась с младшими, потом со старшими, и только в пять пошла обедать. Прodelав в тяжёлых впечатлениях этого дня путь мимо дома доньи Нелли до ресторана, я нашла Кристиана и Хуана Мануэля там. Они немного развлекли и отвлекли меня, а через час все трое уехали, чему я была несказанно рада.

Работа над ошибками

Чувствуя камилову ревность, я старалась не общаться с Нелли, пока он находился в Ла Косте. Как только он с ребятами уехал, я позвонила ей и пригласила пройтись – сделать несколько кругов по кампаменто. Она снарядилась по-спортивному и пошла так быстро, что ещё час после этой прогулки я потела. Выслушав мои новости и соображения относительно Камило, она неожиданно поведала мне некоторые подробности его деятельности в прошлом году. Через пару месяцев после своего появления в Институте Бананерос он вступил в близкие отношения с Мануэлой, которая вместе с Марианой и Рикардо поступила к нему учиться играть на скрипке. Как только дело дошло до родителей девочки-старшеклассницы, вышел скандал, который докатился до тогдашнего президента, доктора Маркеса, и донья Нелли пережила несладкое время. Разумеется, Мануэла перестала заниматься.

Продолжая рассуждать над тем, что же за птица такая этот Камило, мы с доньей Нелли заключили, что он, конечно, ребёнок, капризный, талантливый, неусидчивый, безответственный и безвольный, который не терпит разговоров «против шерсти», а хочет только, чтобы его все принимали и любили.

– Но, тем не менее, мы работаем для достижения определённой цели, и ради этой цели мы должны сотрудничать с тем, кто есть. Я ценю Камило и вижу в нём будущее, – говорила эта

энергичная женщина в ярко-зелёной футболке, бодро шагая по щебёнке ночного кампаменто под стрёкот цикад.

Мы вернулись домой, – в дом доньи Нелли, – и я увидела оставленную на диване со вчерашнего праздника гитару. Нелли, заметив мой брошенный на гитару взгляд, мягко сказала:

– Ана, я пока не возвращаю гитару, я начала на ней... заниматься.

Я обрадовалась и похвалила. Это была её мечта – научиться играть на гитаре.

– У меня есть некоторые видео-уроки, которые я нашла в интернете... – мы уже присели за стол с вечерним чаем и арепой, и донья Нелли открыла компьютер.

У тёмного стола стояли две лавки и два табурета. Обычно мы сидели друг напротив друга, донья Нелли – лицом к двери, я – спиной. Чтобы смотреть видео, я пересела на табурет в торце стола. В ролике какой-то не то мексиканский, не то аргентинский парень долго рассказывал, как гитару держать, потом начал о постановке рук... Я спросила ректору, какова её цель в обучении. Оказалось, что самая простая – аккомпанемент к песням. Тогда я предложила ей свои услуги:

– Вам нужны только элементарная постановка рук и несколько аккордов, а это я Вам и сама могу дать. Надо просто выбрать песню, самую простую... Скажем, «Besame mucho».

Я показала, как ставить тонику – аккорд ля минор – и ритм болéro. Для первого урока этого оказалось достаточно. Донья Нелли села смотреть сериал «Белая рабыня», а я принесла лист нотной бумаги и начала записывать «Besame mucho» – мне хотелось, чтобы занятия имели теоретическую базу, и чтобы донья Нелли понимала, что она играет. Перед сном я поиграла ей на сая, снова порадовавшись тому, как безотказно успокаивающе действует звук этого инструмента. Почти заснув под музыку, Нелли всё-таки вышла проводить меня, стала смотреть на звёзды, достала телефон, где у неё была установлена программа, распознающая созвездия и планеты. Мы нашли Марс, созвездие Скорпиона, обнялись и разошлись спать.

Пришёл вторник, день Марепы. Я проснулась с тяжёлой головой после трёх дней, проведённых с Камило. Всю ночь лил дождь, но утром снова светило солнце и занимался новый влажный и жаркий день. Я пробовала убедить Камило в том, что наши школы в районных центрах надо оставить в покое и только для просветительских концертов – ничего более серьёзного там не выйдет, процесса музыкального образования наладить не удастся. Лёжа и слушая утренних птиц, я готовилась к тому, чтобы поехать в Марепу и объявить двум школам о том, что мы развернём то, что с ними начали, в сторону дидактических концертов. Непродуманные и спонтанные выступления, которые мы устроили там в понедельник, оставили у меня тягостное и кислотоватое послевкусие. В то время, когда нам с Камило пришлось срочно готовить две минуты музыки для видеоролика, я считала, что оба мы понимаем смысл происходящего. Тогда мы сляпали номер по срочному заказу, на злобу дня, и оба, как мне казалось, знали, что это не работа, а халтура, хоть и удачная. Для Симона, мальчика с виолончелью, это было вредно, потому что он сделал для себя вывод: «Так можно». После дурацких концертов в Марепе и Ригородо я поняла, что только я одна страдала от чувства халтуры, а для Камило это был привычный стиль работы.

Всё утро я, как обычно, бегала по Институту «Бананерос», трудясь над организацией обучения младших. Однажды Даниэль сказал мне:

– Хорошо тебе, ты можешь с детьми заниматься непосредственно музыкой, а я в большинстве классов даже заикнуться пока ни о какой музыке не могу.

– Мне, конечно, хорошо, но путь до занятий музыкой с этими детьми не такой короткий, как тебе представляется. На то, чтобы отобрать детей, сотворить из них группу, организовать и согласовать расписание, оповестить родителей у меня ушло почти два месяца, и даже после этого снова и снова возникают новые вопросы. Завести музыкальную школу на пустом месте – это совсем непросто.

Я попросила Сандру вызвать мне такси на 13:45 – в два часа я должна была быть в Марепе. Вопрос о транспорте так и не был решён, я не могла даже напрямую звонить дону Густаво, а должна была всё время действовать через Сандру, только тогда я могла быть уверена, что оплата такси согласована. Наскоро пообедав, я вышла к воротам института и стала расхаживать взад и вперёд под большим фикусом в ожидании дона Густаво. Когда на часах было 14:15, я позвонила ему. Оказалось, что его вызывали на 14:30, но, когда он, наконец, приехал, и мы двинулись в Марепу, выяснилось, что ошибся-таки он сам – его вызвали на 13:30. Дон Густаво стал сокрушаться, я успокаивала его:

– Если бы я могла звонить Вам напрямую, этого бы не случилось, проблема существует, и она – гораздо глубже.

Он оставил меня у ворот «Луиса Карлоса Галана» с обещанием вернуться за мной в половине шестого в школу доньи Кармен. В «Галане» я не обнаружила своих детей, и стала звонить Эльвину, который ответил, что уже отпустил их:

– Вы всегда так пунктуальны, но сегодня в два Вы не приехали, и я распустил их по домам.

Не имея никаких дел и не имея вообще ничего в Марепе до четырёх часов, я позвонила дону Густаво с просьбой вернуться за мной. Узнав, в чём дело, дон Густаво стал сокрушаться больше прежнего, и в конце концов предложил мне поехать не в Бананерос, а в Ригородо. Логика в таком предложении была – от Марепы Ригородо находилось в пятнадцати минутах езды, а от Бананероса – в получасе. Он привёз меня на главную площадь этого райцентра, которая была устроена точно так же, как сотни других центральных площадей райцентров этой страны: в центре – сквер, на него смотрит костёл, вокруг сквера – торговые ряды, рестораны и закусочные. Площадь Ригородо приятно поразила меня чистотой, и сам городок показался мне опрятнее Марепы и Афартадо.

Мы присели в маленьком кафе лицом к костёлу и съели по фруктовому салату. Дон Густаво не мог провести со мной и двух минут, не поднимая каких-нибудь глубоких тем:

– Какими ты увидела нас, жителей этой страны? Каково кардинальное отличие привычных тебе людей от нас?

– Раньше я думала, что латиноамериканцы только сидят под пальмой, едят банан, танцуют и снова садятся под пальму. На севере, где всего один урожай в год, люди борются за еду, они не могут не работать, даже если бы этого хотели. Здесь, в условиях, когда манго и авокадо просто падают с неба на землю, урожай одних фруктов переходит в урожай других, надо прикладывать особые усилия, чтобы чем-то вообще заниматься. И я нашла здесь людей, которые прикладывают эти усилия и трудятся по-настоящему. Этого я не ожидала.

Утром я писала Камило, что надо менять программу с районными центрами, потому что то, что я там сейчас делаю, не имеет никакого смысла – условий нет, дети каждый раз приходят новые... Но, проезжая по улочкам Ригородо, я стала думать, что эти дети так же, как и привилегированные дети элитного Института Бананерос, имеют право участвовать в том процессе, который мы пытаемся организовать. Войдя в школу доньи Кармен, я была полна решимости заниматься. Меня встретили несколько девочек из третьего класса, и мы стали ждать остальных. Дети носились мимо нас и орали так, как будто всем им сказали: «Сейчас – последняя минута, когда вы можете вдоволь накричаться». Наконец появился и Альберто, profesor de artística. Библиотека была занята, компьютерный класс тоже, и нам пришлось обосноваться в маленьком душном (при такой жаре!) классе без стульев и доски. Туда набилось семнадцать человек детей, из третьего, пятого, седьмого, восьмого, девятого классов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.